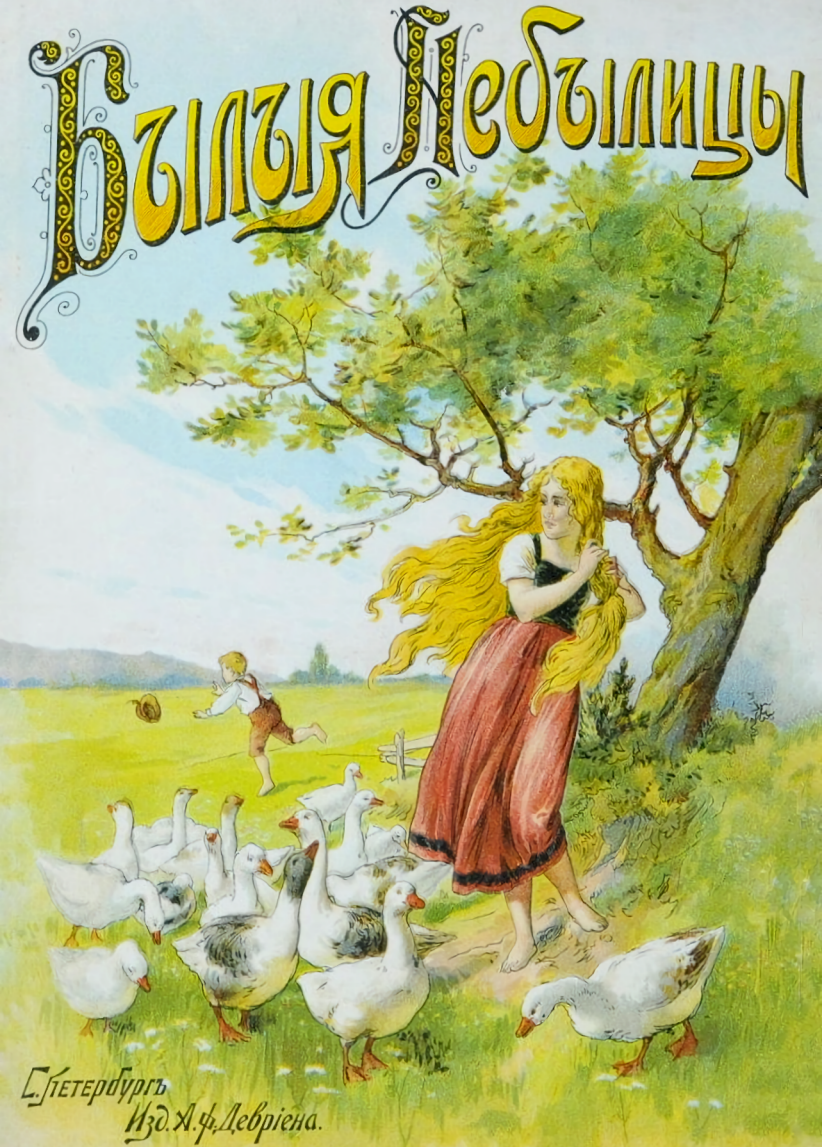
Былыя Небылицы



С.Петербургъ
Изд. А. Ф. Девріена.

БЫЛЫЯ НЕБЫЛИЦЫ.

Былыя Небылицы

Семь любимыхъ дѣтскихъ сказокъ

братьевъ Гриммъ и Перро.

составилъ

А. Алтаевъ.

2-е изданіе.

Съ 6-ю хромолитографированными рисунками.

1910

С.-Петербургъ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Типографія Кирхельгенъ и Ко., С.-Петербургъ, Англійскій просп. 28.

Красная Шапочка.

Жила-была на свѣтѣ маленькая хорошенькая дѣвочка. Всѣ любили ее, кто только зналъ, а больше всѣхъ любила ее старая бабушка. Подарила она внучкѣ красную шапочку. Шапочка эта была дѣвочкѣ очень къ лицу. Съ тѣхъ поръ и стали всѣ въ деревнѣ звать ее „Красной Шапочкой". Разъ какъ-то мать ей сказала:

— Вотъ возьми, Красная Шапочка, кусокъ пирога и бутылку вина, снеси ихъ къ бабушкѣ. Она теперь больна, и это будетъ ей хорошо для здоровья. Ступай пораньше, да смотри, иди прямо и въ сторону отъ дороги не убѣгай, не то, пожалуй, еще упадешь и разобьешь бутылку, а къ бабушкѣ придешь съ пустыми руками. Съ бабушкой не забудь поздороваться, какъ только войдешь въ комнату.

— Хорошо, — сказала Красная Шапочка и отправилась къ бабушкѣ.

А бабушка жила въ самомъ лѣсу, недалеко отъ деревни. На опушкѣ лѣса встрѣтился Красной Шапочкѣ Волкъ. Не знала Красная Шапочка, что Волкъ — лютый звѣрь, и ничуть его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка, — говоритъ Волкъ.

— Здравствуй, Волкъ.

— Куда это ты такъ рано собралась, Красная Шапочка?

— Къ бабушкѣ.

— А что это у тебя подъ передникомъ?

— А это кусокъ пирога да вина бутылочка. Вчера матушка моя пироги пекла, вотъ и послала меня отнести это къ больной бабушкѣ.

— Гдѣ-же живетъ твоя бабушка?

— Да здѣсь, въ лѣсу, подъ тремя старыми дубами стоитъ ея избушка, а кругомъ избушки плетень изъ орѣшника. Ну, что, запомнилъ?

А Волкъ думалъ:

— Славный будетъ для меня обѣдъ изъ этой маленькой дѣвочки, получше, чѣмъ изъ ея бабушки. Надо достать и ту, и другую.

И Волкъ зашагалъ рядомъ съ Красной Шапочкой.

— Посмотри-ка сюда, Красная Шапочка, на эти чудесные цвѣточки, — говорилъ онъ ей дорогой. Послушай, какъ славно распѣваютъ птички! А ты идешь, будто въ школу, никуда не оборачиваешься. Ну, въ лѣсу то еще будетъ лучше!

Красная Шапочка посмотрѣла вверхъ на ясное солнышко, посмотрѣла кругомъ на пестрые цвѣточки и подумала:

— А вѣдь хорошо бы было нарвать теперь для бабушки цвѣтовъ; вотъ бы она обрадовалась! Еще рано, успѣю придти къ ней во̀-время.

Красная Шапочка сбѣжала съ дороги и стала рвать цвѣты. Сорветъ она одинъ цвѣточекъ, глядитъ, а другой еще лучше изъ травы показывается, побѣжитъ и за нимъ, и такъ все дальше уходила въ самую чащу лѣса. А Волкъ со всѣхъ ногъ пустился къ бабушкиной избушкѣ и постучался въ дверь.

— Кто тамъ?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебѣ пирожка да винца, — отвори-ка!

— Прижми хорошенько щеколду! — закричала бабушка: — я больна и немогу встать.

Волкъ надавилъ на щеколду, и дверь отворилась. Вбѣжалъ онъ къ бабушкѣ въ избушку, кинулся къ ея постели и проглотилъ старушку разомъ. Потомъ онъ надѣлъ бабушкино платье и чепчикъ, улегся на ея кровать и хорошенько спустилъ кругомъ занавѣски.

А Красная Шапочка все бѣгала и бѣгала за цвѣтами. Набрала она ихъ столько, сколько снести могла, да вдругъ

вспомнила о своей бабушкѣ и побѣжала къ ея избушкѣ. Красная Шапочка очень удивилась: дверь избушки была настежъ отворена. Вошла дѣвочка въ комнату, и все ей тамъ показалось не такъ, какъ всегда.

— Что это, — подумала маленькая Красная Шапочка, — мнѣ сегодня здѣсь такъ страшно? А я вѣдь любила ходить къ моей бабушкѣ!

— Съ добрымъ утромъ! — сказала, наконецъ, Красная Шапочка.

Никто ей не отвѣчалъ. Тогда она подошла къ постели, отдернула занавѣски и увидѣла, что бабушка лежитъ, а чепчикъ на самый носъ надвинула.

— Бабушка, — сказала Красная Шапочка, — отчего это у тебя такія большія уши?

— Чтобы я тебя могла лучше слышать.

— Бабушка, ну, а какіе у тебя большіе глаза!

— А это, чтобы я тебя могла лучше видѣть.

— Бабушка, какія же у тебя большія руки!

— Руки у меня большія для того, чтобы я тебя могла лучше обнять.

— А зачѣмъ же у тебя, бабушка, такой большой ротъ?

— А затѣмъ, чтобы тебя съѣсть!

Тутъ злой Волкъ выскочилъ изъ подъ одѣяла и проглотилъ бѣдную Красную Шапочку.

Наѣлся онъ до-сыта, опять улегся въ постель и захрапѣлъ изо всей силы. А въ это время мимо проходилъ охотникъ.

— Отчего это старушка такъ храпитъ? — подумалъ онъ. — Ужъ не случилось ли тутъ какой бѣды?

Охотникъ вошелъ въ избушку, подошелъ къ кровати и увидѣлъ на ней Волка.

— Ага, старый разбойникъ, славно ты мнѣ попался, — сказалъ охотникъ: — давно я до тебя добираюсь!

И хотѣлъ онъ убить Волка изъ ружья, да вдругъ подумалъ, что звѣрь-то, пожалуй, съѣлъ бабушку, и ее еще можно изъ него вытащить.

Тогда онъ взялъ ножъ и распоролъ имъ Волку животъ. А въ животѣ-то онъ сейчасъ же увидѣлъ красную бархатную шапочку, сталъ рѣзать дальше, и вся дѣвочка выскочила оттуда.

— Ахъ, какъ мнѣ было страшно, когда я къ Волку въ животъ попала! — сказала она.

Вслѣдъ за Красною Шапочкой вылѣзла и ея старая бабушка и едва могла отдышаться. А Красная Шапочка набрала большихъ-пребольшихъ камней, и навалилъ охотникъ эти камни въ животъ Волку; животъ-то потомъ отлично зашили.

Волкъ проснулся, хотѣлъ убѣжать, да не тутъ-то было: камни тянули его внизъ, онъ упалъ на землю. Тутъ ему и насталъ конецъ.

Вотъ то обрадовались тутъ всѣ трое! Охотникъ содралъ съ Волка шкуру и понесъ ее домой, бабушка съѣла кусокъ пирога, выпила вина Красной Шапочки и стала совсѣмъ здорова. А Красная Шапочка подумала:

— Теперь ужъ не буду больше никогда бѣгать по сторонамъ въ лѣсу.

Спящая красавица.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили король и королева.

— Вотъ кабы у насъ родился ребеночекъ! говорили они часто другъ другу.

А дѣтей у нихъ все не было. Разъ купалась королева, а изъ воды выскочила лягушка на траву и говоритъ:

— Не пройдетъ года, и твое желаніе исполнится, будетъ у тебя, королева, дочка.

И правда: такъ и вышло, какъ говорила вѣщая лягушка. Родилась у королевы дѣвочка, хорошенькая—прехорошенькая. Крѣпко обрадовался король и порѣшилъ отпраздновать получше ея рожденіе. Рѣшилъ онъ позвать на пиръ всѣхъ волшебницъ, чтобы онѣ сдѣлали маленькую королевну счастливою. А всѣхъ волшебницъ въ томъ королевствѣ было счетомъ тринадцать. У короля же для угощенья оказалось всего только двѣнадцать золотыхъ тарелочекъ. Какъ тутъ быть? Вотъ онъ и не позвалъ одну изъ волшебницъ на праздникъ. Чудесный устроилъ пиръ старый король, и наградили волшебницы маленькую королевну разными дарами:

одна обѣщала ей доброту сердечную, другая — красоту, третья — богатство, и чего-чего только не обѣщали добрыя волшебницы дѣвочкѣ! Такъ одарили ее одиннадцать волшебницъ. Вдругъ нежданно-негаданно пришла тринадцатая. Пришла она, никому не поклонилась, ни на кого не взглянула и грозно закричала:

— Какъ только стукнетъ королевнѣ пятнадцать лѣтъ, уколется она веретеномъ и упадетъ бездыханная!

Этимъ злымъ пожеланіемъ хотѣла волшебница отмстить за то, что ее не позвали на королевскій пиръ. Сказала она и молча ушла изъ покоя. Всѣ, кто былъ на пиру, перепугались. Тогда вышла впередъ двѣнадцатая волшебница. Она еще ничего не успѣла пожелать королевской дочери. Не имѣла она силы отмѣнить вѣщихъ словъ злой волшебницы, могла только сдѣлать она предсказанное зло легче. Вотъ она и говоритъ:

— Правда, упадетъ королевна бездыханная, но не умретъ, а лишь заснетъ и проспитъ цѣлыхъ сто лѣтъ!

Тогда король строго-на-строго приказалъ, чтобы никто въ его королевствѣ не имѣлъ веретена.

Вѣщія обѣщанія волшебницъ скоро стали сбываться. Королевна была и добра, и привѣтлива, и красива, и умна, и

всѣ любили ее. Такъ минуло ей пятнадцать лѣтъ. Въ день ея рожденья короля и королевы не было дома, и оставалась королевна въ своемъ замкѣ одна. Бродила она по всѣмъ замко вымъ переходамъ, ходила-ходила и, наконецъ, пришла къ высокой старой башнѣ. Въ башню вела узкая лѣсенка; по ней то и взобралась королевна. Въ двери нашла она старый заржавѣвшій ключъ, повернула его, и дверь сама собою распахнулась. Передъ королевной была маленькая коморочка, а въ коморочкѣ той сидѣла старая старушонка. Въ рукахъ у старушонки было веретено; она вертѣла его и пряла нитки. Вотъ королевна и говоритъ:

— Здравствуй, бабушка, что̀ это ты тамъ дѣлаешь?

Поклонилась королевнѣ старушка и отвѣтила:

— Развѣ ты не видишь? — пряду.

— А что это у тебя такъ забавно танцуетъ? — опять спросила королевна и взяла веретено: ей тоже хотѣлось попрясть.

Какъ только взяла королевна въ руки веретено, сбылось волшебное предсказаніе: она уколола себѣ палецъ, упала тутъ же на кровать и крѣпко-крѣпко заснула. И въ тотъ же мигъ вмѣстѣ съ нею уснуло все въ старомъ замкѣ. Король съ королевой только что вернулись домой и заснули въ залѣ, а съ ними и ихъ придворные. Напалъ непробудный сонъ на лошадей въ королевской конюшнѣ, и на дворовыхъ собакъ, и на голубковъ сизыхъ на крышѣ; напалъ сонъ на мухъ, что по стѣнамъ королевскимъ сидѣли... Замеръ огонь въ кухнѣ, перестало жариться и жаркое на немъ. Поваръ ухватилъ-было поваренка за вихоръ, но отпустилъ руку и крѣпко заснулъ. Затихъ и буйный вѣтеръ и не шевелилъ больше вѣтокъ передъ королевскимъ замкомъ.

Съ тѣхъ поръ вокругъ него выросъ густой-прегустой колючій кустарникъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все выше и, наконецъ, закрылъ весь замокъ и даже его флагъ. Но молва о спящей красавицѣ-королевнѣ неслась далеко. И не разъ пытались молодые королевичи пробраться сквозь густой кустарникъ, но ни одному это не удавалось: сплетался, какъ густая стѣна, и тотъ, кто попадалъ въ него, не могъ назадъ выбраться, такъ тутъ и умиралъ. Прошло много лѣтъ. Какъ то зашелъ въ эту сторону молодой королевичъ. Старый старичокъ разсказалъ ему про чудесный кустарникъ, про замокъ и про красавицу-королевну, что спитъ въ замкѣ вотъ уже ровно сто лѣтъ, а съ нею вмѣстѣ спитъ король съ королевой и всѣ придворные.

Разсказывалъ старикъ то, что слыхалъ еще отъ своего дѣда: много королевичей хотѣло пробраться сквозь колючую чащу, но никто изъ нихъ не могъ назадъ выбраться,— всѣ тамъ и умирали.

— Не боюсь я,—сказалъ смѣло королевичъ,—и пойду во что бы то ни стало къ замку. Хочу увидѣть красавицу-королевну.

И хоть старикъ отговаривалъ его, ничего не хотѣлъ онъ слушать.

Въ этотъ же день какъ разъ исполнилось сто лѣтъ, и пришло время красавицѣ-королевнѣ проснуться. Едва молодой королевичъ подошелъ къ изгороди, шипы пропали на ней, а вмѣсто нихъ расцвѣли самые чудесные цвѣты. Они раздвинулись передъ нимъ, и онъ прошелъ свободно, а когда прошелъ, вѣтви сдвинулись снова стѣною. Проходилъ королевичъ дворомъ замка, лошади и охотничьи сабаки крѣпко тамъ спали, на стѣнахъ внутри замка спали мухи, а въ кухнѣ поваръ тянулся къ поваренку и хотѣлъ его пота-

скать хорошенько за вихоръ. Тутъ же спала служанка и держала въ рукахъ черную курицу, и нужно было ей курицу ощипать. Королевичъ же все шелъ впередъ и такъ пришелъ въ самый лучшій покой, гдѣ крѣпко спалъ самъ король съ королевою, а около нихъ спали ихъ придворные. Все было тихо кругомъ, и королевичъ слышалъ, какъ шибко билось его сердце. И пришелъ, наконецъ, королевичъ къ старой высокой башнѣ, поднялся на нее и толкнулъ маленькую дверцу. За нею въ коморкѣ спала долгимъ сномъ чудная красавица-королевна. Была она прекрасна, какъ ясный день; не могъ королевичъ отвести отъ нея очей, не могъ ею налюбоваться. Наклонился онъ и крѣпко поцѣловалъ ее. И какъ только поцѣловалъ онъ красавицу, подняла она свои ясныя очи и ласково взглянула на королевича. А потомъ они сошли за руку съ высокой старой башни.

И въ тотъ же мигъ проснулся старый король и королева, проснулись ихъ придворные, поднялись и лошади, и собаки. Очнулись бѣлые и сизые голубки, взмахнули крылышками и радостно полетѣли въ зеленое поле. А мухи отряхнулись и поползли по стѣнамъ. Даже огонь въ очагѣ самъ собою снова сталъ горѣть и на славу варить королевское кушанье, а мясо чудесно зашипѣло на сковородѣ. Проснулся поваръ и далъ такую затрещину мальчугану, что тотъ закричалъ благимъматомъ. Ну, а служанка скорехонько ощипала черную курицу. Да, вотъ что случилось въ одну минуту. И королевичъ сейчасъ женился на красавицѣ - королевнѣ, а король устроилъ имъ отличную веселую свадьбу.

Бѣлоснѣжка.

Разъ зимою сидѣла подъ своимъ окошкомъ королева и усердно шила. А у окошка рама была изъ чернаго дерева. Шила королева да на снѣгъ поглядывала и уколола она себѣ ненарочно иголкой пальчикъ до крови. Тогда королева подумала:

— Ахъ, какъ я хотѣла бы имѣть ребеночка, бѣлаго, какъ снѣгъ, румянаго, какъ кровь, и съ кудрями, какъ черное дерево.

Такъ все и случилось, какъ желала королева. Родилась у нея дочь, бѣлая, какъ снѣгъ, румяная, какъ кровь, и съ черными кудрями. За бѣлизну прозвали королевну Бѣлоснѣжкой. Родилась Бѣлоснѣжка, а королева умерла.

Прошелъ годъ, женился король на другой. Красавица была его вторая жена, но за то же и горда! Ни за что не хотѣла она думать, что кто-нибудь красивѣе ея. Было у королевы волшебное зеркальце; передъ нимъ она становилась, любовалась собой и приговаривала:

— Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
— Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй?

А зеркальце выговаривало:

— Ты, королева, всѣхъ краше, милѣй.

И королева была радешенька: знала она, что зеркальце всегда говоритъ ей правду.

А Бѣлоснѣжка съ каждымъ днемъ дѣлалась все пригожѣе. Въ восемь лѣтъ была она красавицей писанной. Разъ спросила королева у зеркальца:

— Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй?

А зеркальце молвило ей въ отвѣтъ:

Хоть ты, королева, красива собой,
А все жъ Бѣлоснѣжка поспоритъ съ тобой,

Вспыхнула королева отъ злости, а потомъ позеленѣла и не взлюбила съ этого дня падчерицу. Рвалось ея злое сердце отъ зависти, и не было отъ той зависти королевѣ ни днемъ, ни ночью покоя. Позвала она какъ то своего слугу и говоритъ:

— Возьми Бѣлоснѣжку, заведи ее въ лѣсъ подальше съ очей моихъ долой. Убей ее въ самой чащѣ и принеси мнѣ ея печень и легкое.

Не смѣлъ слуга ослушаться приказа королевы. Завелъ онъ дѣвочку далеко-далеко въ самую темную чащу лѣса, вынулъ изъ-за пояса ножъ и собрался уже убить королевну. Горько взмолилась королевна:

— Ахъ, не убивай ты меня, добрый человѣкъ! Пусти: я далеко убѣгу и не приду ужъ больше никогда къ родимому дому!

Жалко стало слугѣ бѣдняжку. Вотъ онъ и говоритъ:

— Ступай себѣ, королевна бѣдная, Господь съ тобою!

А про себя подумалъ:

— Все равно, съѣдятъ ее здѣсь лютые звѣри.

На сердцѣ его какъ-то полегчало: не загубилъ онъ души невиннаго ребенка. Изъ чащи выскочила молоденькая козочка. Слуга убилъ ее, выпотрошилъ и принесъ злой королевѣ ея легкое и печень. Королева велѣла повару легкое и печень сварить, съѣла ихъ, и думала, что ѣстъ печень и легкое своей падчерицы.

А Бѣлоснѣжка осталась въ темномъ лѣсу одна, и стало ей жутко: не знала она, бѣдная, куда ей идти, что́ дѣлать. Побѣжала она все прямо, черезъ колючіе кусты, по острымъ камнямъ, видѣла лютыхъ звѣрей, но никто изъ нихъ не посмѣлъ ее тронуть.

Бѣжала Бѣлоснѣжка до самаго вечера, пока не выбилась изъ силъ. Къ вечеру добралась она до маленькой избушки, вошла въ нее и видитъ — все въ ней на диво маленькое, все въ ней такъ красиво да чисто прибрано. А посреди избушки стоитъ столикъ, на немъ семь маленькихъ тарелочекъ, а около тарелочекъ ложечки, ножи и вилочки крохотные лежатъ. Всего было по семи, а у каждой тарелочки по золотому стаканчику стояло. Было тутъ и семь маленькихъ кроватокъ, и на всѣхъ нихъ — чистыя бѣлыя покрывала. Бѣлоснѣжка проголодалась, да и пить ей давно ужъ хотѣлось. Вотъ она и покушала съ каждой тарелочки, изъ каждаго стаканчика отвѣдала вина понемногу — не хотѣлось ей никого обидѣть. А потомъ она попробовала прилечь на какую-нибудь кроватку, но ни одна не пришлась ей впору, кромѣ седьмой. Улеглась Бѣлоснѣжка въ кроваткѣ, помолившись Богу, и скоро крѣпко заснула.

Къ ночи вернулись въ избушку хозяева — семь маленькихъ карликовъ. Цѣлый день рылись они въ горахъ и до-

бывали изъ-подъ земли золото. Зажгли карлики семь свѣчей и увидѣли при огнѣ, что кто-то у нихъ былъ въ гостяхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ и говоритъ:

— Кто это сидѣлъ на моемъ стулѣ?

— Кто ѣлъ съ моей тарелочки? — закричалъ другой.

— А кто у меня отъ хлѣбца отломилъ кусочекъ? — подхватилъ третій.

— Кто моего кушанья отвѣдалъ? — спросилъ четвертый.

— Мою вилочку кто смѣлъ трогать? — пропищалъ пятый.

— А мой ножичекъ кто бралъ? — закричалъ шестой.

А послѣдній карликъ сейчасъ же подхватилъ:

— Кто отпилъ вина изъ моего стакана?

Увидалъ первый карликъ, что его постель немного смята и говоритъ:

— Кто смѣлъ ложиться на мою кровать?

Тогда прибѣжали къ своимъ постелькамъ и другіе карлики и подняли крикъ:

— И мою, и мою постель кто-то смялъ!

Седьмой карликъ увидѣлъ сейчасъ же на своей постели Бѣлоснѣжку и позвалъ товарищей. Сбѣжались къ кроваткѣ всѣ до одного карлика со своими свѣчами и дивились на спящую дѣвочку:

— Вотъ такъ красавица, ахъ, какая же она красавица!

И оставили добрые карлики королевну спать на постелькѣ, а седьмой карликъ всю ночь провелъ поочереди въ кроваткахъ своихъ братьевъ и спалъ въ каждой всего только по часу.

Утромъ Бѣлоснѣжка проснулась, увидѣла карликовъ и испугалась. А карлики стали ее любовно, ласково разспрашивать:

— Какъ зовутъ тебя, дѣвочка?

— Зовутъ меня Бѣлоснѣжкой,— отвѣтила королевна.

— Какъ же ты къ намъ попала, Бѣлоснѣжка?

Тутъ Бѣлоснѣжка разсказала имъ безъ утайки все, что было: и про то, какъ злая мачеха приказала слугѣ ее извести, а слуга ее пожалѣлъ, какъ бѣжала она цѣлый день по дремучему лѣсу и наткнулась на ихъ избушку.

А карлики въ одинъ голосъ сказали:

— Оставайся съ нами, милая дѣвочка, присматривай за нашимъ домикомъ, стряпай, стирай намъ, обшивай насъ, и коли ты будешь намъ помогать, ни въ чемъ тебѣ у насъ не будетъ отказа.

— Хорошо,— сказала Бѣлоснѣжка,— все буду для васъ дѣлать съ радостью.

И осталась она съ тѣхъ поръ жить у карликовъ, и работала въ ихъ избушкѣ, а карлики каждое утро уходили въ горы. Вечеромъ возвращались они домой, а у Бѣлоснѣжка для нихъ уже все было приготовлено. Днемъ же все время сидѣла она въ избушкѣ одна. Вотъ карлики ей и говорятъ:

— Смотри, берегись своей мачехи! Скоро провѣдаетъ она, гдѣ ты живешь. Не впускай сюда безъ насъ никого.

Ну, а злая-то мачеха съѣла печень и легкое козочки, подумала, будто ѣстъ печень и легкое своей падчерицы и радовалась, что она теперь краше всѣхъ на свѣтѣ. И стала выспрашивать она чудесное зеркальце:

Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй?

И зеркальце молвило:

Хоть ты, королева, красива собой,
А все жъ Бѣлоснѣжка поспоритъ съ тобой,
У карликовъ горныхъ въ избушкѣ она
Пышнѣе и краше еще расцвѣла.

Испугалась королева пуще прежняго. Знала она, что правдиво ея зеркальце, догадалась, что провелъ ее слуга и оставилъ въ живыхъ падчерицу. Задумала она снова извести Бѣлоснѣжку, и опять черная злоба день и ночь не давала ея завистливому сердцу покоя. Рѣшила королева стать первою красавицей. Наконецъ, придумала она, какъ извести падчерицу: переодѣлась старой торговкой, лицо красками раскрасила. Никто бы теперь не узналъ ее. И пошла сгорбленная старуха въ путь-дорогу, за семь горъ, къ избушкѣ семи карликовъ. Подошла она къ избушкѣ, постучала и закричала:

— Товары дешевые, товары! Товары разные! Посмотрѣла Бѣлоснѣжка въ окно и сказала:

— Здравствуй, бабушка, что̀ ты продаешь?

А торговка опять свое:

— Славные товары, отмѣнные! Тесемки цвѣтныя шнурки шелковые!

И достала она изъ короба чудесный пестрый шелковый поясокъ. Бѣлоснѣжка подумала:

— Что же? Эту торговку не страшно впустить въ избушку.

Отворила Бѣлоснѣжка дверь и купила себѣ пестрый поясъ. А старуха ей говоритъ:

— Эхъ, голубушка! Что̀ ты дѣлаешь? Не умѣешь и пояса завязать! Дай, я тебя сама затяну.

Не знала Бѣлоснѣжка, что задумала торговка, и позволила ей стянуть себя новымъ пояскомъ. А старуха стянула

шнурокъ такъ туго, что Бѣлоснѣжка не могла дышать, и упала на полъ, какъ мертвая.

Послѣ этого злая мачеха ушла и на прощанье выговорила:

— Не будешь уже ты теперь, королевна, красивѣе всѣхъ на свѣтѣ!

Дѣло было подъ вечеръ, и скоро семеро карликовъ вернулись домой. Увидали они на полу Бѣлоснѣжку и испугались: лежала она, словно мертвая, ни однимъ пальчикомъ не двинула. Подняли карлики Бѣлоснѣжку и разглядѣли на ней пестрый поясокъ. Разорвали они поясокъ, и ожила въ ту же минуту Бѣлоснѣжка. Узнали карлики, что́ съ нею было и сказали:

— Это твоя злая мачеха прикинулась торговкой. Смотри же, — впередъ будь умнѣе, никого не пускай безъ насъ въ избушку.

А королева пришла домой, взяла зеркальце и спросила:

— „Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй?

Молвило королевѣ волшебное зеркальце:

„Хоть ты, королева, красива собой,
„Но все жъ Бѣлоснѣжка поспоритъ съ тобой;
„У карликовъ горныхъ въ избушкѣ она
„Пышнѣе и краше еще расцвѣла.“

Услышала такія рѣчи мачеха и испугалась пуще прежняго. Сразу поняла она, что не умерла ненавистная ей падчерица.

— Ладно, — сказала королева сама себѣ, — погоди. Придумаю я тебѣ что-нибудь новое, — сразу тебя не станетъ.

И злая мачеха, не медля, принялась готовить ядовитый гребень для падчерицы, потомъ одѣлась старухой и пошла за семь горъ къ дому семи карликовъ. Постучала королева въ дверь ихъ избушки и давай кричать:

— Товары! купите товары!

Посмотрѣла въ окошко Бѣлоснѣжка и молвила:

— Иди дальше, бабушка, не велѣно мнѣ никому отворять.

— Да ты только посмотри, красавица!

И лукавая старуха вытащила изъ короба ядовитый гребень.

Залюбовалась Бѣлоснѣжка на гребень, понравился онъ ей, и во второй разъ впустила она къ себѣ старуху. Сторговала королевна гребень, а старуха ей и говоритъ:

— Погоди, красавица, я тебя причешу получше.

Не видѣла Бѣлоснѣжка въ этомъ ничего дурного и дала старухѣ чесать ее, сколько вздумается. А старуха воткнула гребень въ голову падчерицы, и тотчасъ же упала Бѣлоснѣжка на полъ замертво.

— Ну, красавица! — сказала радостно мачеха, — теперь ужъ ты не встанешь!

И довольная она вернулась домой.

Дѣло было подъ вечеръ, и скоро въ избушку пришли семеро карликовъ. Увидали они на полу Бѣлоснѣжку бездыханную, стали думать-гадать, отчего она умерла, и отыскали въ ея головѣ ядовитый гребень. Вынули братья гребень изъ волосъ Бѣлоснѣжки, она очнулась и разсказала все, какъ было. И еще разъ просили карлики Бѣлоснѣжку быть на сторожѣ, — не отворять никому двери.

Вернулась королева домой, стала у зеркальца выспрашивать:

— „Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
„Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй!“

А зеркальце молвило:

— „Хоть ты, королева, красива собой,
„Но все жъ Бѣлоснѣжка поспоритъ съ тобой.
„У карликовъ горныхъ въ избушкѣ она
„Пышнѣе и краше еще расцвѣла...“

Услышала это королева, разгнѣвалась пуще прежняго, затряслась отъ злости и крикнула:

— Не бывать живою этой красавицѣ, хоть бы сама я за то разсталась съ жизнью!

И пошла злая баба въ потайную комнатку и стала тамъ готовить наливное яблоко ядовитое. Красиво оно было, румяно, каждаго къ себѣ манило, а стоило его отвѣдать, — сейчасъ умрешь. Приготовила королева яблоко, намазала красками лицо и отправилась за семь горъ къ семи карликамъ. Постучалась она у ихъ двери, а Бѣлоснѣжка увидѣла ее изъ окна, да и говоритъ:

— Не могу я тебя къ себѣ впустить, не велѣли мнѣ это карлики.

— Какое мнѣ дѣло? — крикнула злая баба. — Что̀ я стану теперь дѣлать со своимъ товаромъ? Хочешь, возьми одно яблочко отъ меня въ подарокъ?

А Бѣлоснѣжка отвѣчала:

— Нѣтъ, бабушка, ничего не могу я взять...

— Да ты отравы, что-ли, боишься? — засмѣялась торговка. — Ну, ладно, смотри: сейчасъ я разрѣжу яблоко пополамъ, — одну половинку ты себѣ возьми, другую я съѣмъ.

А яблоко было у нея отравлено только съ румяной стороны. Заглядѣлась Бѣлоснѣжка на него, увидѣла, что торговка ѣстъ свою половину, и взяла отъ нея въ окошко другую. Но какъ только откусила королевна кусочекъ, упала она тутъ же, словно мертвая. А злая мачеха взглянула на бѣдную падчерицу, радостно засмѣялась и крикнула:

— Не воскресятъ тебя, красавица, твои карлики! Не будешь уже ты бѣла, какъ снѣгъ, румяна, какъ кровь, черноволоса, какъ черное дерево!

Пошла она домой и стала волшебное зеркальце спрашивать:

— „Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
„Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй?“

И обрадовалась же злая баба, когда, наконецъ, зеркальце отвѣтило ей:

— „Ты, королева, красивѣе всѣхъ“.

Вечеромъ вернулись домой карлики и увидѣли мертвую Бѣлоснѣжку. Подняли они ее, распустили платье, расчесали волосы, умыли ее, искали отравы, но ничѣмъ не могли помочь королевнѣ. Бѣлоснѣжка попрежнему лежала, какъ мертвая. Тогда карлики положили ее въ гробъ и стали по ней горько-горько плакать. И плакали карлики по своей милой Бѣлоснѣжкѣ цѣлыхъ три дня. Собрались-было они похоронить ее, да не посмѣли: лежала Бѣлоснѣжка въ гробу, какъ живая, была она бѣла и румяна. Вотъ карлики и говорятъ:

— Нельзя зарывать ее въ темную сырую землю.

И сдѣлали они для Бѣлоснѣжки новый гробъ хрустальный, переложили ее въ него, а на крышкѣ написали золотыми буквами. И говорила золотая надпись, что лежитъ въ гробу Бѣлоснѣжка, не простого рода, королевскаго. А сквозь хрустальную крышку видно было красавицу со всѣхъ сторонъ. Понесли семь карликовъ гробъ на самую верхушку горы, и каждый день кто-нибудь изъ нихъ оставался сторожить мертвую королевну. Всѣ плакали надъ Бѣлоснѣжкой: прилетѣла къ ея гробу совушка, прилетѣлъ вѣщій воронъ, прилетѣлъ поплакать и бѣлый голубь.

А Бѣлоснѣжка лежала въ своемъ хрустальномъ гробу, какъ живая: была она бѣла, какъ снѣгъ, румяна, какъ кровь, и черноволоса, какъ черное дерево. Долго-долго лежала она и все казалась спящей.

Забрелъ разъ въ этотъ лѣсъ чужеземный королевичъ, подъѣхалъ къ избушкѣ семи карликовъ, увидѣлъ гору, на горѣ хрустальный гробъ, а въ томъ гробу Бѣлоснѣжку-красавицу. Прочиталъ королевичъ и золотую надпись на крышкѣ. Вотъ и говоритъ онъ карликамъ:

— Отдайте мнѣ этотъ гробъ! Просите, чего хотите: ничего я за него не пожалѣю.

А карлики ему въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, королевичъ, не отдадимъ мы тебѣ этотъ гробъ, хоть сули намъ золото со всего свѣта.

Королевичъ же проситъ, не унимается:

— Не могу я наглядѣться на милую Бѣлоснѣжку. Подарите мнѣ гробъ, не могу безъ него теперь жить... До самой смерти буду беречь я его, а Бѣлоснѣжку стану считать своею милою невѣстою.

Пожалѣли карлики королевича и подарили ему дорогой хрустальный гробъ съ Бѣлоснѣжкою. Королевичъ сейчасъ же велѣлъ своимъ слугамъ нести гробъ. Они подняли его на плечи, да споткнулись по дорогѣ о пень и встряхнули Бѣлоснѣжку. Тогда изъ ея рта выскочилъ кусокъ ядовитаго яблока. Лишь только онъ выскочилъ, Бѣлоснѣжка открыла глаза, поднялась и сѣла въ гробу, какъ ни въ чемъ не бывало. И сказала Бѣлоснѣжка:

— Господи! Гдѣ же это я теперь?

— Ты у меня, королевна прекрасная, — отвѣчалъ ей королевичъ ласково.

И разсказалъ онъ тутъ Бѣлоснѣжкѣ все, что случилось.

— Люблю я тебя больше жизни, — говорилъ онъ, — поѣдемъ въ мое царство и будь мнѣ женою.

И Бѣлоснѣжка сейчасъ же согласилась быть женою королевича и поѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Назначили свадьбу Бѣлоснѣжки, и на свадьбу ту позвали ея мачеху. Принарядилась королева, разукрасилась и стала у зеркальца спрашивать:

— „Зеркальце, свѣтикъ, скажи мнѣ скорѣй,
„Всѣхъ ли я краше, всѣхъ ли милѣй?“

А зеркальце молвило:

„Хоть ты, королева, красива собой,
„А все же невѣста поспоритъ съ тобой".

Услышала это злая баба, затряслась отъ гнѣва и прокляла невѣсту. Раздумала-было она ѣхать на свадьбу, да захотѣлось ей повидать новую красавицу. Чуть только вошла королева въ свадебные покои, увидала она прекрасную невѣсту Бѣлоснѣжку, злое сердце ея не выдержало и разорвалось отъ страха и зависти. И она упала на полъ замертво.

Пряничный домикъ.

На опушкѣ густого дремучаго лѣса жилъ бѣдный дровосѣкъ съ женою. Было у него двое дѣтей: мальчикъ Гензель и дѣвочка Гретель. Жена дровосѣка приходилась не родной имъ матерью, а мачехой. Трудно было подчасъ бѣднякамъ: случалось частенько имъ ѣсть впроголодь, а иной разъ и вовсе сидѣли они безъ хлѣба. Разъ во время такой сильной нужды лежалъ дровосѣкъ на своей жесткой постели и не могъ заснуть отъ назойливыхъ горькихъ думъ. И говоритъ онъ женѣ со вздохомъ:

— Не придумаю я, какъ намъ извернуться. Что̀ намъ дѣлать съ дѣтьми, если и сами-то мы сидимъ безъ хлѣба?

— А вотъ что̀ я придумала, — отвѣчала ему жена: — уведемъ завтра пораньше дѣтей въ лѣсъ, въ самую глухую чащу. Разведемъ тамъ костеръ, оставимъ дѣтямъ по кусочку хлѣба, а сами пойдемъ работать. Дѣти останутся одни въ лѣсу и ни за что не найдутъ дороги домой.

— Нѣтъ, не могу я тебя послушать, — сказалъ мужъ. — Не хватитъ у меня духу оставить въ лѣсу своихъ дѣтей, чтобы съѣли ихъ тамъ дикіе звѣри.

— Эхъ, ты, простофиля! — закричала жена. — Или ты хочешь, чтобы мы всѣ померли отъ голода на твоихъ глазахъ, а ты будешь намъ сколачивать гробы?

Тутъ жена стала его донимать до тѣхъ поръ, пока онъ не обѣщалъ сдѣлать, какъ она хотѣла. А дровосѣкъ все твердилъ:

— Эхъ, до смерти жаль мнѣ моихъ горемычныхъ дѣтушекъ!

А дѣти не спали: они тоже были голодны. Слышали они все, что́ говорили отецъ съ мачехой. Гретель горько плакала и жаловалась брату:

— Пропали мы теперь совсѣмъ!

— Перестань, — говорилъ ей Гензель, — что горевать? Погоди, я выручу изъ бѣды.

Какъ только заснули отецъ съ мачехой, Гензель всталъ, одѣлся, открылъ дверь и вышелъ изъ дома. Ясный мѣсяцъ освѣщалъ бѣлые камешки на дорогѣ возлѣ дома, и они блестѣли, какъ новыя денежки. Гензель нагнулся и набилъ ими полный карманъ, а потомъ пришелъ домой и сказалъ сестрѣ:

— Полно, Гретель, спи спокойно. Господь намъ поможетъ.

И самъ улегся на кровать.

На зарѣ, пока еще солнышко не встало, мачеха разбудила дѣтей:

— Эй, лежебоки, живо поднимайтесь, собирайтесь за дровами въ лѣсъ!

И она дала дѣтямъ по кусочку хлѣба со словами:

— Вотъ вамъ и обѣдъ, да глядите, раньше времени его не съѣшьте, а то вѣдь вамъ больше ничего не перепадетъ.

Гретель спрятала оба куска себѣ подъ передникъ, а у Гензеля карманъ былъ биткомъ набитъ голышами. И пошли всѣ въ лѣсъ. Шагнулъ Гензель разъ, другой и остановился, шагнулъ еще и опять оглянулся на домъ. Вотъ отецъ его и спрашиваетъ:

— Ты чего это, Гензель, зѣваешь? Иди, какъ слѣдуетъ, да смотри, не отставай.

А Гензель ему отвѣчаетъ:

— Родимый мой батюшка, смотрю я на свою бѣлую кошечку: усѣлась она на крышѣ, будто со мною прощается,

— Вотъ-то дуракъ! — закричала мачеха, — да развѣ это твоя кошечка? Это труба бѣлѣетъ на солнцѣ.

Но Гензель на самомъ дѣлѣ никакой кошечки не видѣлъ, а просто кидалъ онъ на дорогу камешекъ по камешку. Забрался дровосѣкъ съ дѣтьми въ самую чащу лѣса и сталъ имъ говорить:

— Вотъ что̀, ребятки: собирайте-ка здѣсь хворостъ, а я разведу вамъ огонекъ, чтобы вы согрѣлись.

Натаскали Гензель съ Гретель большую кучу хвороста, а дровосѣкъ его поджогъ. Когда высоко поднялся кверху огонь, мачеха сказала:

— Отдохните, дѣтки, у огонька, а мы пока станемъ дрова рубить. Нарубимъ дровъ и возьмемъ васъ съ собою домой.

Гензель и Гретель остались у костра и пообѣдали своими кусочками. Все время слышали они стукъ топора и были спокойны, что отецъ ихъ близко. На самомъ же дѣлѣ это стучала сухая вѣтка: дровосѣкъ привязалъ ее къ дереву, вѣтку вѣтромъ раскачивало, она и стучала. Долго сидѣли дѣти, устали и захотѣли спать. Легли они и заснули крѣпкимъ

сномъ, а когда проснулись, въ лѣсу было совсѣмъ темно. Настала ночь. Заплакала Гретель и говоритъ:

— Ахъ, какъ же намъ теперь отсюда выбраться?

— Постой, — уговаривалъ ее Гензель, — вотъ выйдетъ на небо мѣсяцъ, и увидимъ мы дорогу.

Какъ только выглянула полная луна, Гензель взялъ за руку Гретель и пошелъ отыскивать дорогу. Камешки Гензеля блестѣли, какъ новыя денежки, и по нимъ дѣти отлично разглядѣли дорогу домой. Шли они долго, шли всю ночь и на зарѣ очутились передъ родною избушкой. Когда дѣти постучались мачеха сама открыла имъ дверь и закричала съ сердцемъ:

— Ахъ, вы, негодныя! Мы думали, что вы ужъ никогда домой не придете! Какъ смѣли вы такъ долго спать въ лѣсу?

Но отецъ все это время горевалъ о брошенныхъ въ лѣсу дѣтяхъ и теперь имъ очень обрадовался.

Прошло много ли, мало ли времени, и стало семьѣ дровосѣка опять нечего ѣсть. Мачеха снова пристала къ мужу:

— У насъ осталось только полкраюхи хлѣба. Давай отведемъ дѣтей подальше въ лѣсъ, что бы они ужъ ни за что домой не вернулись. Не умирать же намъ съ голоду вмѣстѣ съ ними?

Тяжко было слышать это бѣдному дровосѣку.

— Эхъ, — подумалъ онъ, — лучше было бы подѣлиться съ ребятками и послѣдней коркой хлѣба!

А жена нѐ дала ему и слова молвить, такъ и накинулась съ попреками и бранью. Тогда онъ опять уступилъ сварливой бабѣ.

Ребятки не спали и все слышали. Только лишь заснули отецъ съ мачехой, Гензель всталъ и пошелъ набрать камешковъ, но мачеха раньше приперла крѣпко-накрѣпко дверь, и Гензель вернулся ни съ чѣмъ на свое мѣсто. Тогда онъ опять принялся уговаривать сестру:

— Спи, Гретель, полно плакать, Господь насъ не оставитъ.

Чуть стала заря заниматься, мачеха разбудила дѣтей, дала имъ по кусочку хлѣба, еще меньше, чѣмъ въ прошлый разъ, и повела ихъ въ лѣсъ. По дорогѣ Гензель поминутно останавливался и бросалъ назадъ крошки хлѣба. Такъ искрошилъ онъ весь свой кусокъ.

— Что это, Гензель, ты все останавливаешься да смотришь назадъ? — сказалъ отецъ, — шагай скорѣе.

— Я смотрю на моего бѣлаго голубка, — отвѣчалъ Гензель, — онъ усѣлся на крышу и прощается со мною.

— Вотъ дуракъ! — крикнула ему мачеха, — какой еще тамъ голубокъ? Это труба бѣлѣетъ на солнцѣ.

А Гензель уже успѣлъ раскидать крошки по дорогѣ.

Еще дальше прежняго увела злая мачеха дѣтей, въ такія мѣста, гдѣ они до того дня никогда еще не были. Развела она имъ большой костеръ и сказала:

— Оставайтесь здѣсь, пока мы будемъ рубить дрова. Устанете, поспите, а вечеромъ мы возьмемъ васъ домой.

Гензель давно уже раскрошилъ весь свой хлѣбъ по дорогѣ, и Гретель подѣлилась съ братомъ своимъ маленькимъ кусочкомъ.

Послѣ обѣда дѣти крѣпко заснули, а когда проснулись, въ лѣсу стояла черная ночь. Отецъ съ мачехой все еще не приходили за ними. Но Гензель уговаривалъ сестру:

— Полно, Гретель, поднимется надъ лѣсомъ мѣсяцъ и освѣтитъ наши хлѣбныя крошечки по дорогѣ, по нимъ мы домой и вернемся.

Поднялся надъ лѣсомъ мѣсяцъ, и собрались дѣти домой, но не могли отыскать ни одной крошечки: всѣ ихъ склевали лѣсныя птицы. Тогда Гензель сказалъ сестрицѣ:

— Ну, какъ-нибудь да выберемся на дорогу.

Шли они всю долгую ночь и цѣлый день, а лѣсъ все еще тянулся, и не было ему конца. Устали дѣти, проголодались: только имъ и перепадало поѣсть, что лѣсныхъ ягодъ. Еле-еле передвигали они ноги, прилегли подъ дерево и крѣпко заснули.

На утро ребятки пустились снова въ путь-дорогу и опять шли долго, но все изъ лѣса не могли выдти и забирались глубже въ зеленую чащу. Среди полудня показалась дѣтямъ бѣленькая птичка. Сидѣла птичка на вѣткѣ и пѣла пѣсенку, да такую чудесную, что дѣти заслушались. Кончила птичка пѣть, тряхнула крылышками и улетѣла. Дѣти пошли за нею и скоро пришли къ избушкѣ. На крышу избушки и спустилась бѣленькая птичка. А избушка-то была не простая: вся сложена изъ вкуснаго бѣлаго хлѣба, пряниками крыта, а въ окошки вставленъ чистый леденецъ. Гензель и говоритъ:

— Давай-ка, Гретель, за избушку возьмемся, — вотъ

славно пообѣдаемъ! Я стану ѣсть крышу, а ты отвѣдай оконца. Вѣрно, оно сладко!

Гензель сталъ на цыпочки, отломилъ кусокъ крыши и принялся его уплетать за обѣ щеки, а сестренка стала кусать понемногу окошечко. Вдругъ изъ избушки послышался тоненькій голосъ:

— „Стукъ-стукъ подъ окномъ,
„Кто ко мнѣ стучится въ домъ?

А дѣтки въ отвѣтъ:

— „Вѣтерокъ къ тебѣ пришелъ,
„Неба свѣтлаго посолъ.

И попрежнему продолжали они уплетать избушку. Гензелю понравилась крыша, а Гретель — окошко. Вотъ они и отломили себѣ по большому куску. Вдругъ широко распахнулась дверь избушки и показалась на порогѣ дряхлая старушка съ костылемъ. Испугались Гензель и Гретель до смерти, даже куски свои уронили на землю. А старушка покачала головой и прошамкала:

— Эхъ, ребятки, какъ это вы сюда попали? Милости просимъ, оставайтесь у меня жить, ничего я вамъ дурного не сдѣлаю.

И повела старушка дѣтей за руки въ свою избушку. Тамъ на столѣ уже былъ чудесный обѣдъ приготовленъ: молоко, пряники, орѣхи да яблоки. Послѣ обѣда старуха постлала дѣткамъ двѣ постельки, и Гензель подумалъ, когда улегся, что на небо попалъ, въ рай.

А старуха на самомъ дѣлѣ была злою, презлою колдуньей и только прикинулась ласковой. Она подстерегала дѣтей и избушку пряничную только для приманки построила. И когда дѣти попадались на ея приманку, старуха ихъ убивала, ва-

рила и ѣла. Глаза у старухи были красные, видѣла она ими плохо, зато чуяла человѣка издалека, точно звѣрь. Едва Гензель и Гретель подошли къ ея избушкѣ, она обрадовалась и стала посмѣиваться:

— А, попались, голубчики, теперь не уйдете!

На другой день она встала рано, когда дѣти еще сладко спали, увидѣла раскраснѣвшіяся ихъ личики и проворчала:

— Славный будетъ для меня кусочекъ!

Потомъ взяла колдунья Гензеля своими костлявыми руками, отнесла его въ стойло и заперла рѣшетчатой загородкой. Еслибы Гензель тамъ сталъ кричать и звать на помощь, его все равно никто бы не услышалъ. Разбудила старуха и маленькую Гретель и закричала на нее:

— Эй, ты, лѣнтяйка, вставай скорѣе! Неси воды да приготавливай своему брату обѣдъ получше. Надо его хорошенько откормить. Я его уже посадила въ стойло: какъ станетъ онъ потолще, — я имъ и пообѣдаю.

Горько-горько заплакала бѣдная Гретель, но не посмѣла ослушаться, пошла дѣлать, что приказывала ей злая старуха.

Съ той поры Гензеля стали кормить хорошимъ обѣдомъ, а сестренка его подбирала только объѣдки. Старуха ходила къ стойлу каждый день и спрашивала:

— Ну-ка, Гензель, протяни мнѣ скорѣе палецъ, я его ощупаю, — много ли въ тебѣ прибавилось жиру.

Гензель протягивалъ изъ-за рѣшетки сухенькую косточку, а старуха со слѣпу думала, что это взаправду палецъ Гензеля и дивилась, отчего мальчикъ не толстѣетъ. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а Гензель все не толстѣлъ. Наконецъ, надоѣло старухѣ ждать, и она сказала Гретель:

— Эй, Гретель! Тащи скорѣе воды: завтра я зарѣжу Гензеля и сварю его, хоть онъ вовсе не откормился.

Плакала бѣдная Гретель горько, а все же пришлось ей натаскать воды для старухи. Тогда взмолилась она Богу:

— Помоги намъ, Господи Милостивый! Лучше бы на насъ обоихъ напали въ лѣсу дикіе звѣри, тогда бы умерли мы оба!

А старуха на нее прикрикнула:

— Замолчишь ли ты, безтолковая? Все равно, никто тебѣ не поможетъ!

На другой день рано повѣсила дѣвочка надъ очагомъ котелъ и развела подъ нимъ огонь. А старуха говоритъ:

— Тѣсто я уже вымѣсила, да и печку затопила: сначала будемъ хлѣбы печь.

Сказала она это и толкнула бѣдную дѣвочку къ большой печи. А изъ печи огонь такъ наружу и вырывается.

— Ну, полѣзай въ печь! закричала колдунья,— посмотри, довольно ли въ ней жару, не пора ли сажать хлѣбы.

Гретель хотѣла заглянуть въ печь, а старуха задумала ее закрыть заслонкой, чтобы дѣвочка въ печкѣ сжарилась. Но Гретель догадалась, что задумала колдунья, и сказала:

— Я вѣдь, бабушка, не знаю, какъ въ печь влѣзаютъ.

— Вотъ дура-то!—закричала колдунья,—да развѣ здѣсь мало мѣста? Сюда и я бы влѣзть могла!

И она просунула въ печь голову.

Тогда Гретель изловчилась, толкнула старуху, да такъ сильно, что та разомъ вскочила въ печку. Гретель ее захлопнула заслонкой, а сверху еще задвинула засовомъ. Вѣдьма принялась въ печкѣ страшно выть, а Гретель поскорѣе убѣжала и дала сгорѣть злой колдуньѣ.

Отъ печки Гретель побѣжала къ стойлу, отперла его, выпустила Гензеля и весело закричала:

— Слушай, Гензель! Мы избавились отъ старухи! Нѣтъ ужъ ея больше въ живыхъ!

И Гензель вылетѣлъ изъ своего стойла, точно легкая птичка изъ клѣтки, и обнимался съ сестрицей, и прыгалъ отъ радости. А потомъ они отправились въ старухину избушку: теперь ужъ имъ некого было бояться. Въ избушкѣ вездѣ стояли сундуки съ жемчугомъ и камнями самоцвѣтными.

— Что, Гретель,—сказалъ Гензель,—эти-то будутъ, пожалуй, получше голышей?

И онъ набилъ полные карманы самоцвѣтными камешками, а Гретель насыпала ихъ полный передникъ.

— Ну, а теперь и въ дорогу, — сказалъ Гензель.

Вотъ они и пошли. Шли они часъ, шли два, пришли къ большому озеру.

— Какъ же мы на другую сторону переправимся?—говоритъ Гензель, — нѣтъ тутъ ни моста, ни дощечки.

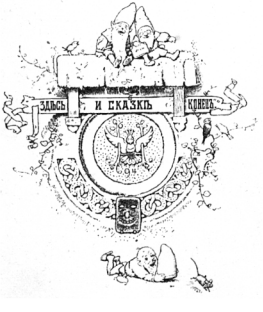
— Нѣтъ и лодочки,—подхватила Гретель,—а только посмотри, вонъ тамъ, далеко, плаваетъ бѣлая уточка. Давай-ка попросимъ, чтобы она насъ перевезла. И закричала Гретель уточкѣ:

—„Утя наша, уточка!
„Нѣтъ нигдѣ дороги намъ,
„Ни дощечки, ни жердинки,
„Отвези-жъ ты насъ на спинкѣ!"

Послушалась уточка, подплыла къ берегу и дала Гензелю сѣсть къ себѣ на спинку. Сталъ Гензель кликать Гретель, чтобы сѣла она рядомъ съ нимъ, но Гретель сказала:

— Нѣтъ, тяжело уточкѣ везти насъ обоихъ сразу, пусть перевезетъ по одиночкѣ.

Уточка ихъ и перевезла по очереди. Переправились дѣти на другой берегъ и вдругъ стали примѣчать, что въ лѣсу пошла дорога знакомая. Такъ и пришли они къ своей избушкѣ, а когда ее издали увидѣли, пустились впередъ бѣгомъ. Вбѣжали дѣти въ избушку и бросились къ отцу. Бѣдный дровосѣкъ все время горевалъ о своихъ покинутыхъ дѣткахъ. А мачеха за это время успѣла умереть.



Гензель и Гретель вытря-
сли на полъ свои карманы и перед-
никъ. Тутъ жемчугъ съ камня-
ми самоцвѣтными по всей из-
бушкѣ разсыпались. И сталъ
дѣтьми жить дровосѣкъ съ
бра наживать: поживать, да до-
нечего было бояться голода.

Замарашка.

Разъ какъ-то тяжко заболѣла у одного богатаго человѣка жена. Была у нея дочка единственная. Призвала она къ себѣ дѣвочку и говоритъ:

— Родимое мое дитятко! Оставайся всегда доброю, молись усердно Господу-Богу, и Онъ тебя не забудетъ, а я съ того свѣта буду на тебя любоваться и никогда тебя не оставлю.

Проговорила она это, закрыла глаза и умерла. А дочка, какъ обѣщала, стала каждый день приходить къ родимой матушкѣ на могилку, старалась со всѣми быть ласковой и Богу усердно молилась. Такъ незамѣтно пришла зима и заметала-забросала могилку снѣгомъ. Весною снѣгъ растаялъ, а отецъ дѣвочки взялъ да и женился второй разъ.

У мачехи было своихъ двѣ дочки. Съ лица онѣ казались пригожими, да души имѣли злыя. Трудные, горькіе дни пришли для бѣдной сиротинки. Стали изводить ее недобрыя сестры.

Ужъ не думаетъ ли эта дура у насъ въ горницахъ жить? Коли хочетъ она сыта быть, такъ пусть кусокъ хлѣба заработаетъ. Ступай же отсюда по добру, по здорову, замарашка!

И отобрали злыя сестры у бѣдной дѣвочки ея красивыя платья и бросили вмѣсто нихъ неприглядные сѣрые лохмотья и деревянные башмаки. А сами еще смѣются:

— Полюбуйтесь на красавицу, какъ она нарядилась!

И выгнали онѣ бѣдную сиротинку въ кухню.

Съ той поры дѣвочка стала подниматься до зари, носила воду, топила печь, готовила обѣдъ и справляла всю грязную работу въ домѣ, какъ судомойка. А сестры за это осмѣивали ее да обижали: то нарочно вывалятъ въ золу горохъ или чечевицу и заставятъ бѣдняжку отбирать зерна отъ сора, то бранятъ ее... Проработаетъ дѣвочка цѣлый день, устанетъ, а вечеромъ ложится прямо въ золу, возлѣ очага. Отъ золы и работы была бѣдняжка всегда грязна, и прозвали ее сестры за это Замарашкой.

Поѣхалъ разъ отецъ на ярмарку и сталъ у названныхъ дочекъ спрашивать, какой имъ привезти гостинецъ.

— Привези мнѣ платьевъ красивыхъ, — отвѣчала одна падчерица.

— Привези мнѣ жемчуга да самоцвѣтныхъ камней, — сказала другая.

— А тебѣ что́ привезти, Замарашечка?

— Родимый мой батюшка, привези мнѣ зеленую вѣточку, что встрѣтится тебѣ на пути и ударитъ тебя по шляпѣ.

Купилъ отецъ на ярмаркѣ падчерицамъ красивыхъ нарядовъ, жемчуга да камней самоцвѣтныхъ, а когда онъ домой возвращался, попалась ему на встрѣчу зеленая вѣточка орѣшника и ударила его по шляпѣ, да такъ сильно, что шляпа на

землю упала. Отецъ ту вѣтку сломилъ и повезъ домой. Дома отдалъ онъ падчерицамъ подарки, а Замарашкѣ зеленую вѣточку. Сказала за то Замарашка отцу ласковое спасибо и побрела на могилку къ родимой матушкѣ. Посадила Замарашка вѣточку въ землю и стала надъ могилкой плакать. Плакала она такъ долго, такъ горько, что полила слезами вокругъ всю землю. Вѣточка росла и скоро стала цѣлымъ кустикомъ. Каждый день приходила на могилку Замарашка, плакала и молилась, и всякій разъ на кустикъ прилетала бѣленькая птичка. Чуть, бывало, сиротинка пожелаетъ чего-нибудь и скажетъ о томъ птичкѣ, птичка бросаетъ ей съ куста все, что ей нужно.

Разъ король того королевства устроилъ пиръ и объявилъ, что будетъ пировать цѣлыхъ три дня. Кликнулъ онъ кличъ по всему королевству, чтобы сбирались въ замокъ красавицы, а сынъ его будетъ выбирать себѣ изъ нихъ невѣсту.

Дошла вѣсть о праздникѣ и до мачехиныхъ дочекъ, и собрались онѣ на праздникъ. И стали онѣ тогда говорить съ Замарашкой, пожалуй, немного ласковѣе, чѣмъ всегда:

— Слушай-ка, причеши насъ получше, почисти башмаки, да крѣпче пришей на нихъ пряжки. Мы поѣдемъ на праздникъ къ самому королю.

Ничего не сказала Замарашка, послушалась сестеръ, а сама горько заплакала: хотѣлось и ей побывать въ королевскомъ замкѣ и поплясать. Вотъ она и стала проситься у мачехи на праздникъ. Прикрикнула на нее мачеха:

— Куда тебѣ, Замарашкѣ грязной? Въ чемъ будешь танцевать? Да у тебя ни платья, ни башмаковъ хорошихъ, ничего нѣтъ!

Замолчала Замарашка, а мачеха и говоритъ:

— Вотъ что: насыпала я около очага чашку чечевицы: коли ты ее черезъ два часа изъ золы выберешь, отправляйся, такъ и быть, на королевскій праздникъ.

Спустилась бѣдняжка въ садъ и звонко крикнула:

— Гули, гули, голубки, милые мои дружки, прилетайте ко мнѣ, пташки Божьи, выручайте меня, горемычную, соберите чечевички!

„Чистыя въ горшокъ,
„А нечистыя — въ носокъ."

Тогда прилетѣли на окошко кухни два бѣлыхъ голубочка, а за ними и много разныхъ другихъ птичекъ. Сѣли птички возлѣ очага и стали клевать золу: пикъ да пикъ, и понемножку выбрали всѣ хорошія зерна въ горшокъ. А черезъ часъ все уже было собрано, и птички упорхнули въ окошко. Тогда Замарашка отдала чечевицу мачехѣ и порадовалась, что ее отпустятъ съ сестрами въ королевскій замокъ. А мачеха ей и говоритъ:

— Куда тебѣ, Замарашкѣ, на праздникъ идти, въ какомъ платьѣ? А станешь танцевать, только людей добрыхъ насмѣшишь.

Заплакала Замарашка. Мачеха опять говоритъ:

— Возьми двѣ чашки чечевицы и выбери ихъ изъ золы въ одинъ часъ, тогда и собирайся на праздникъ.

А сама подумала:

— Какъ же, выберетъ она столько за такое малое время!

Высыпала мачеха въ золу двѣ чашки, а Замарашка побѣжала въ садъ и звонко крикнула:

— Гули, гули, голубки, милые мои дружки, прилетайте ко мнѣ, пташки Божьи, выручайте меня, горемычную, соберите чечевички!

„Чистыя — въ горшокъ,
„А нечистыя — въ носокъ.

Тогда прилетѣли на окошко кухни сначала два бѣлыхъ голубочка, а за ними и много разныхъ другихъ птичекъ. Сѣли птички около очага и стали клевать золу: пикъ, пикъ, пикъ, и понемножку выбрали всѣ хорошія зерна. И часа не прошло, какъ они уже все собрали и упорхнули въ окошко.

И на этотъ разъ Замарашка отнесла чечевицу мачехѣ и порадовалась, что теперь взаправду поѣдетъ въ королевскій замокъ. А мачеха ей опять говоритъ:

— Къ чему ты добиваешься ѣхать съ нами? Гдѣ у тебя платья хорошія? Да и умѣешь ли ты танцевать? Оставайся дома, не то намъ же за тебя будетъ стыдно.

Отвернулась мачеха отъ падчерицы и пошла къ своимъ спесивымъ дочкамъ. А Замарашка побрела на родимую могилку и стала подъ орѣховымъ кустомъ приговаривать:

„Встряхни, вѣтерокъ, зеленымъ кустомъ,
„Осыпь ты меня златомъ, серебромъ!“

И птичка сбросила дѣвушкѣ съ деревца серебрянное платье, золотомъ изукрашенное, сбросила и башмачки пригожіе. Были тѣ башмачки всѣ расшиты шелками да серебромъ. Замарашка одѣлась въ новый нарядъ и отправилась на королевскій праздникъ. И не узнали ее ни мачеха, ни сестры, такая она была красавица писанная въ своемъ новомъ нарядѣ: показалось имъ, что это пріѣхала чужая знатная королевна. О Замарашкѣ онѣ и думать забыли: вѣдь она сидѣла теперь у очага и выбирала изъ золы чечевицу! Королевичъ встрѣтилъ Замарашку съ почетомъ, подалъ ей руку и съ одною ею танцевалъ все время. А когда къ ней подходилъ кто-нибудь другой, онъ говорилъ:

— Я буду съ нею танцевать самъ.

И проплясалъ съ Замарашкой королевичъ до самой ночи. Къ ночи собралась Замарашка домой, а королевичъ ей сказалъ:

— Я хочу проводить тебя.

А ему нужно было узнать, откуда взялась эта красавица.

Но Замарашка убѣжала отъ королевича и живехонько влѣзла на свою голубятню. Подождалъ онъ, подождалъ, смотритъ, идетъ отецъ Замарашки. Вотъ королевичъ ему и говоритъ:

— Сейчасъ на твою голубятню влѣзла красавица!

А отецъ подумалъ:

— Неужели это моя Замарашка?

И взялъ онъ топоръ, и разрубилъ имъ голубятню, но никого не нашелъ на ней. Вернулся онъ съ королевичемъ въ домъ, а Замарашка уже лежитъ на кучѣ золы въ своихъ старыхъ, грязныхъ лохмотьяхъ, и на трубѣ около нея чуть-чуть теплится огонь маленькой лампочки. Замарашка успѣла скоро-наскоро выскочить изъ голубятни и спуститься съ нея съ другой стороны. Потомъ она побѣжала къ орѣховому кусту, сбросила съ себя чудесное свое платье, поскорѣе надѣла рваное и улеглась у очага на золѣ.

А на утро въ королевскомъ замкѣ начался снова веселый праздникъ, и опять уѣхали на него сестры съ мачехой. Замарашка побѣжала къ орѣховому кусту и стала выговаривать:

„Встряхни, вѣтерокъ, зеленымъ кустомъ,
„Осыпь ты меня златомъ, серебромъ!"

Кинула ей птичка нарядъ еще краше прежняго. И пошла она въ томъ нарядѣ на праздникъ, а на праздникѣ всѣ не могли на нее налюбоваться. Королевичъ давно уже ждалъ ее,

взялъ за руку и опять съ одною ею танцевалъ все время. А когда къ ней подходилъ кто-нибудь другой, онъ говорилъ:

— Я буду съ нею танцевать самъ.

Около ночи стала Замарашка домой собираться, и опять пошелъ королевичъ за нею посмотрѣть, гдѣ она живетъ. А Замарашка убѣжала отъ него въ садъ и взобралась на высокое грушевое дерево, точно маленькая проворная бѣлочка. Забралась она въ самую чащу, спряталась въ ней, и не могъ ее найти королевичъ. Ждалъ онъ, ждалъ, увидѣлъ отца Замарашки и говоритъ:

— Убѣжала отъ меня красавица и, думается мнѣ, влѣзла на это дерево.

Тутъ опять пришло отцу въ голову:

— Неужели это моя Замарашка?

Взялъ онъ топоръ, срубилъ грушевое дерево, но никого на томъ деревѣ не нашелъ. А Замарашка лежала уже дома на своемъ мѣстѣ, на золѣ. Она живо слѣзла съ дерева по другую его сторону и отнесла свое чудесное платье птичкѣ на орѣховый кустъ, а сама одѣлась въ прежнее отрепье.

И на третій день пошелъ отецъ съ матерью и съ сестрами спесивыми на веселый королевскій праздникъ. А Замарашка побрела на могилку родимой матушки и стала выговаривать:

„Встряхни, вѣтерокъ зеленымъ кустомъ,
„Осыпь ты меня златомъ, серебромъ!“

Сбросила ей на этотъ разъ птичка такой нарядъ, какого никому еще и не грезилось. Отливалъ онъ всѣми цвѣтами, а башмачки были изъ чистаго червоннаго золота. Пришла Замарашка въ новомъ нарядѣ на праздникъ, а тамъ дивились всѣ на красавицу писанную. Королевичъ съ одною только

ею танцевалъ, а когда къ ней подходилъ кто-нибудь другой, говорилъ:

— Я буду самъ съ нею танцевать.

Къ ночи собралась Замарашка домой уйти, и королевичъ опять хотѣлъ проводить ее, да не тутъ-то было: Замарашка убѣжала отъ него, и не могъ онъ ее догнать. Но королевичъ не былъ простъ и придумалъ ее перехитрить: приказалъ онъ намазать смолою всѣ ступеньки на лѣстницѣ въ замкѣ. Побѣжала Замарашка по лѣстницѣ, а золотой башмачокъ ея прилипъ къ ступенькѣ. Королевичъ золотой башмачекъ нашелъ и дивился, какой онъ красивый да маленькій.

На утро пошелъ королевичъ съ башмачкомъ прямехонько къ дому Замарашки и говоритъ отцу дѣвушки:

— Не женюсь я ни на комъ, кромѣ той, кому этотъ башмачокъ по ногѣ придется.

А у спесивыхъ сестеръ ноги были небольшія. Услыхали онѣ рѣчи королевича и обрадовались. Взяла старшая башмачокъ, ушла съ нимъ въ другую горницу и стала его примѣрять. Примѣряла-примѣряла, а большой-то палецъ ея въ башмачокъ не влѣзаетъ. Тогда стала ей мать совѣтовать.

— Отсѣки, говоритъ, палецъ. Станешь женой королевича, все равно не надо будетъ тебѣ пѣшкомъ расхаживать.

Хоть и пришлось дочкѣ прикусить губу отъ боли, а все-таки послушалась она матери: отрѣзала себѣ палецъ, натянула кое-какъ башмачокъ и показалась въ немъ королевичу. Королевичъ сейчасъ же посадилъ нареченную невѣсту на коня и повезъ въ свой замокъ. Дорогой попался имъ на встрѣчу завѣтный орѣховый кустъ. Сидѣли на немъ два бѣлыхъ голубка и ворковали:

„Гули, гули, голубочки,
„Кровь на шелковомъ чулочкѣ.
„Ножкѣ въ туфлѣ мало мѣста,
„Не твоя она невѣста!“

Тутъ и королевичъ увидѣлъ на ножкѣ невѣсты кровь, что̀ текла изъ золотого башмачка. Какъ только онъ это увидѣлъ, сейчасъ погналъ коня обратно. Оставилъ онъ старшую сестру у отца съ матерью, сказалъ, что не годится она ему въ жены, и приказалъ другой сестрѣ примѣрить башмачокъ. Отправилась средняя сестра въ особую горницу и стала пробовать, впору ли ей придется башмачокъ. Влѣзла въ него почти вся ея нога, только пятка осталась снаружи. И этой дочкѣ подала мать ножикъ и стала совѣтовать:

— Отсѣки себѣ пятку. Не нужно женѣ королевича пѣшкомъ ходить.

Тогда и эта дочка отрубила себѣ пятку, втиснула ногу кое-какъ въ башмачокъ, затаила боль нестерпимую и пошла къ королевичу. Посадилъ королевичъ невѣсту нареченную къ себѣ на коня и повезъ въ замокъ. И опять пришлось имъ встрѣтить на дорогѣ орѣховый кустъ. Сидѣли на немъ голубочки бѣлые и ворковали:

„Гули, гули, голубочки,
„Кровь на шелковомъ чулочкѣ.
„Ножкѣ въ туфлѣ мало мѣста,
„Не твоя она невѣста!“

Замѣтилъ и королевичъ, что у невѣсты его весь чулокъ въ крови, и погналъ коня къ ея дому. Вернулъ онъ и среднюю сестру отцу съ матерью и сказалъ:

— Это тоже не моя невѣста! Можетъ быть у васъ есть еще дочка?

А отецъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ у насъ больше никого, кромѣ дочки отъ первой жены, да не годится она тебѣ въ невѣсты: наша Замарашечка такая непригожая...

Но королевичъ приказалъ привести Замарашку.

— Совѣстно и показать тебѣ ее, — отговаривалась мачеха: — она у насъ совсѣмъ грязная.

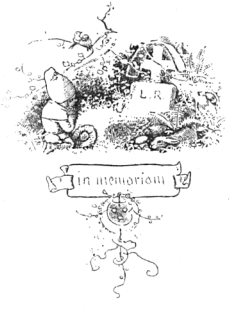
Королевичъ же ни за что не отставалъ. И привели къ нему, наконецъ, Замарашку. Замарашка умылась чистенько, вышла къ королевичу и низко ему поклонилась. А королевичъ отдалъ ей ея золотой башмачокъ. Замарашка усѣлась на лавочку сбросила свой деревянный башмакъ и стала примѣрять золотой. И пришелся онъ ей какъ разъ впору. Взглянулъ въ лицо Замарашки королевичъ, и сейчасъ же узналъ желанную красавицу, что́ танцевала съ нимъ все время.

— Вотъ моя невѣста, — вымолвилъ онъ, а мачеха и сестры отъ злости даже побѣлѣли. Королевичъ посадилъ Замарашку на коня и увезъ ее къ себѣ въ замокъ. Встрѣтился имъ опять орѣховый кустъ. Сидѣли на немъ два бѣлыхъ голубка и ворковали:

„Гули, гули, голубочки,
„Нѣту крови на чулочкѣ.
„Ножкѣ хватитъ въ туфлѣ мѣста,
„Вотъ она — твоя невѣста".

Спустились птички съ зеленыхъ вѣтокъ и усѣлись у Замарашки на плечахъ: одинъ на правомъ, а другой — на лѣвомъ.

Отпраздновали веселую свадьбу. Съѣхались на нее и сестры невѣсты названныя и прикинулись, будто радуются ея счастью. Поѣхала невѣста въ церковь, а старшая сестра пошла около нея съ правой стороны, средняя — съ лѣвой. Тогда голубки взяли да и выклевали у лукавыхъ сестеръ по глазу. А когда Замарашка возвращалась изъ церкви, старшая сестра опять шла около нея, только уже съ лѣвой стороны, средняя же — съ правой. Голубки опять выклевали у нихъ по глазу. Это и было имъ наказаніемъ за ихъ гордость и злобу къ бѣдной сироткѣ Замарашкѣ.



Мальчикъ-съ-пальчикъ.

Жилъ когда-то дровосѣкъ съ женой, и было у нихъ семеро сыновей. Старшему сыну едва минуло десять лѣтъ, а младшему — семь. Дровосѣкъ жилъ въ большой нуждѣ, и дѣти были ему тяжелой обузой: ни одинъ изъ нихъ не могъ еще ничего заработать. Когда младшій сынишка родился, онъ казался не больше пальца. Оттого-то его и прозвали „Мальчикъ-съ-пальчикъ". Отецъ и мать любили его меньше другихъ дѣтей: всегда-то и во всемъ онъ бывалъ у нихъ виноватъ. А Мальчикъ-съ-пальчикъ былъ самый умный изъ всѣхъ семерыхъ. Правда, онъ не любилъ много болтать, зато много слушалъ.

Выпалъ какъ-то для дровосѣка особенно тяжелый голодный годъ. Насталъ подъ конецъ день, когда пришлось дѣлить послѣднюю краюшку хлѣба. Вотъ вечеромъ улеглись дѣти спать, а дровосѣкъ и говоритъ своей женѣ:

— Эхъ, жена! Видишь, нечѣмъ стало намъ больше кормить дѣтей, и я не хочу видѣть, какъ они умрутъ съ го-

лода на нашихъ глазахъ. Сведемъ-ка лучше ихъ завтра раненько въ лѣсъ и оставимъ тамъ. Лучше ужъ пусть съѣдятъ ихъ волки, чѣмъ они умрутъ у насъ голодною смертью.

— Ахъ, неужели ты поведешь своихъ дѣтей на вѣрную гибель? — заплакала жена.

Долго уговаривалъ ее мужъ, но она ни за что не соглашалась: хоть и жила она въ горькой нуждѣ, а все же была мать. Наконецъ, бѣдная женщина раздумала о томъ, какъ тяжело хоронить умершихъ отъ голодной смерти дѣтей, и согласилась. Съ горькими слезами улеглась она въ этотъ вечеръ на свой жесткій тюфякъ.

А Мальчикъ-съ-пальчикъ не спалъ. Онъ потихоньку слѣзъ съ кровати, подползъ подъ скамейку отца и подслушалъ все, что отецъ и мать собирались сдѣлать съ нимъ и его братьями. Съ этого часа Мальчикъ-съ-пальчикъ не могъ заснуть уже всю ночь и придумывалъ, чѣмъ бы пособить горю.

Рано утромъ пробрался онъ къ ручью, набралъ тамъ полный карманъ бѣлыхъ камешковъ и вернулся домой. Скоро дровосѣкъ съ семьею отправился въ лѣсъ. Но Мальчикъ-съ-пальчикъ ничего не разсказалъ своимъ братьямъ. Пришли они въ самую густую чащу лѣса, дровосѣкъ съ женою сталъ рубить дрова, а дѣти собирали хворостъ. Мальчуганы были такъ заняты этой работой, что не видѣли, какъ отецъ и мать убѣжали отъ нихъ по непримѣтной тропинкѣ. Наконецъ, дѣти замѣтили, что они одни, и принялись громко плакать.

Мальчикъ-съ-пальчикъ не плакалъ. Онъ всю дорогу бросалъ изъ своего кармана камешки и теперь хорошо зналъ, какъ по нимъ добраться до дому. Потомъ онъ сказалъ братьямъ:

— Не бойтесь! Правда, отецъ съ матерью бросили насъ въ лѣсу, а я приведу васъ домой, только ступайте за мною.

Дѣти перестали плакать и пошли за братомъ, и онъ отлично привелъ ихъ домой. Сначала они боялись войти въ избушку, остановились у дверей и слушали, что́ говорилъ отецъ съ матерью. А дровосѣкъ вернулся изъ лѣсу и неожиданно получилъ отъ своего должника порядочныя деньги. Вотъ-то обрадовался бѣднякъ! А вѣдь еще утромъ онъ собирался умереть съ голода. Жена его сейчасъ же побѣжала въ лавку и была такъ голодна, что изъ жадности накупила мяса гораздо больше, чѣмъ могла съѣсть вдвоемъ съ мужемъ.

— Гдѣ то теперь наши бѣдныя дѣтки? — сказала жена дровосѣка послѣ сытнаго ужина. — Вонъ сколько осталось мяса; они чудесно могли бы теперь поужинать. Это ты виноватъ, я вѣдь тебѣ говорила, что мы о нихъ пожалѣемъ. Что-то теперь дѣлаютъ бѣдняжки въ дремучемъ лѣсу? Господи, неужели ихъ уже съѣли волки? Ахъ, какой ты злой! Ты погубилъ своихъ дѣтей!

На самомъ дѣлѣ бѣдный дровосѣкъ и самъ не меньше жены жалѣлъ дѣтей.

— Гдѣ мои дѣтки? Гдѣ мои бѣдненькія дѣтки? — плакала жена.

Тогда дѣти закричали изъ-за двери:

— Мы здѣсь! Мы здѣсь!

Жена дровосѣка сейчасъ же побѣжала къ дверямъ и обняла мальчиковъ.

— Ахъ, вотъ-то счастье, мои милые! — приговаривала она, — да какъ же вы страшно устали и проголодались! А ты, Петя, какъ перепачкался! Пойди сюда, я тебя вымою.

Петя былъ старшій изъ братьевъ, и мать любила его

больше, чѣмъ другихъ: у мальчика были рыжіе волосы, какъ и у нея самой.

Дѣти усѣлись за столъ и принялись ѣсть такъ, что любо было смотрѣть, а дровосѣкъ съ женою глядѣли на нихъ и радовались. Но деньги выходили, и бѣдные люди опять стали горевать. Наконецъ, они рѣшили увести дѣтей въ лѣсъ еще дальше, чѣмъ прежде. Какъ они ни скрывали это отъ дѣтей, а Мальчикъ-съ-пальчикъ опять подслушалъ ихъ и задумалъ выручить братьевъ изъ бѣды. Поднялся онъ ранешенько и хотѣлъ набрать у ручья бѣлыхъ камешковъ, да не тутъ-то было: дверь избушки оказалась на замкѣ. Что ему было дѣлать?

Утромъ мать раздала дѣтямъ по куску хлѣба на обѣдъ. Тогда Мальчикъ-съ-пальчикъ придумалъ замѣнить хлѣбомъ камешки и положилъ свой кусокъ въ карманъ.

На этотъ разъ дровосѣкъ съ женою завели дѣтей еще дальше, чѣмъ прежде, въ самую глухую чащу лѣса. Тамъ и бросили они мальчиковъ, а сами убѣжали по едва примѣтной тропинкѣ. Но мальчикъ-съ-пальчикъ и теперь не особенно то испугался. Онъ думалъ привести братьевъ домой по разбросаннымъ крошкамъ хлѣба. Но крошекъ нигдѣ не было видно: ихъ подобрали лѣсныя птицы.

Всѣ семеро страшно перепугались: чѣмъ дальше они шли, тѣмъ становилось темнѣе и глуше. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло. Поднялась сильная буря. Кругомъ уныло выли волки. Дѣти дрожали отъ страха и боялись пошевельнуться. Полилъ сильный дождь. Братья совершенно промокли, падали, въ лужи, поднимались всѣ въ грязи, шли снова и подъ конецъ выбились совсѣмъ изъ силъ.

Тогда Мальчикъ-съ-пальчикъ взобрался на дерево посмо-

трѣть нѣтъ ли гдѣ-нибудь близко человѣческаго жилья. Вдругъ онъ увидѣлъ гдѣ-то далеко-далеко маленькій огонекъ. Онъ сейчасъ же спустился на землю и посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда виднѣлся свѣтъ. Но теперь огонька не было видно. Мальчикъ-съ-пальчикъ запечалился, но все-таки пошелъ въ ту сторону, гдѣ видѣлъ съ дерева свѣтъ. Шли братья, шли, и, наконецъ, вышли изъ лѣса. Тутъ передъ ними опять мелькнулъ привѣтный огонекъ. Онъ виднѣлся изъ окна домика. Кое-какъ добрались до него передрогшія дѣти. Дорогою они не разъ думали, что заблудились, когда спускались съ пригорковъ и теряли желанный свѣтъ. Наконецъ, они постучали въ дверь незнакомаго домика. Дверь отворилась, и на порогѣ показалась женщина. Она спросила братьевъ, что имъ нужно. Мальчикъ-съ-пальчикъ сейчасъ же разсказалъ ей, что они бѣдныя дѣти, заблудились въ лѣсу и просятъ пустить ихъ переночевать.

— Ахъ, бѣдняжки!—отвѣчала добрая женщина, и заплакала,—да знаете ли вы, куда зашли? Это домъ моего мужа, людоѣда, — онъ ѣстъ маленькихъ дѣтей.

Дѣти дрожали съ ногъ до головы.

— Что же мы будемъ дѣлать?—сказалъ, наконецъ, Мальчикъ-съ-пальчикъ.—Вѣдь все равно въ лѣсу насъ съѣдятъ волки, — такъ пусть ужъ лучше нами поужинаетъ твой мужъ. А можетъ быть онъ и пожалѣетъ насъ, если ты за насъ заступишься.

Тогда жена людоѣда подумала, что можетъ быть ей удастся спрятать отъ мужа дѣтей до утра, и повела ихъ въ домъ. Тамъ она усадила ихъ къ очагу погрѣться. А на очагѣ горѣлъ яркій огонь и жарился цѣлый баранъ для ужина людоѣда.

Не успѣли еще дѣти хорошенько согрѣться, какъ вдругъ услышали ґромкій стукъ въ дверь. Это людоѣдъ возвращался домой. Жена его спрятала мальчиковъ подъ кровать и пошла отворить.

Людоѣдъ сейчасъ же спросилъ, готовъ ли ужинъ, и усѣлся за столъ прикончить полусырого барана. Вдругъ онъ повелъ носомъ и сказалъ, что чуетъ запахъ человѣческаго мяса.

— Это пахнетъ теленокъ,—отвѣчала жена:—я его только что выпотрошила.

Но людоѣдъ искоса посмотрѣлъ на нее и заревѣлъ:

— Неправда! Здѣсь есть что-то другое!

И онъ пошелъ прямо къ кровати.

— А, такъ ты меня обманываешь!—кричалъ людоѣдъ,—хорошо, что ты стара, а то бы я и тебя давно съѣлъ! Вотъ такъ дичь! На славу угощу ею моихъ трехъ друзей! Я ихъ позвалъ къ себѣ на этихъ дняхъ попировать!

И людоѣдъ вытащилъ изъ-подъ кровати, одного за другимъ, еле живыхъ отъ страха мальчиковъ.

Бѣдняжки упали на колѣни и просили пожалѣть ихъ. Но это былъ самый лютый изъ всѣхъ людоѣдовъ. Онъ осмотрѣлъ дѣтей и приказалъ женѣ приготовить изъ нихъ повкуснѣе кушанье, потомъ вынулъ большой ножъ и принялся усердно точить его на длинномъ камнѣ.

Когда онъ схватилъ одного изъ мальчиковъ, жена сказала ему:

— Зачѣмъ тебѣ понадобилось рѣзать ихъ ночью? Сдѣлай это лучше завтра поутру.

— Ну, вотъ еще!—заревѣлъ людоѣдъ,—за ночь они станутъ, пожалуй, худѣе.

— Ахъ, да вѣдь у тебя еще столько осталось мяса: теленокъ, два барана, половина свиньи.

— Ладно, согласился, наконецъ, людоѣдъ, такъ накорми ихъ сейчасъ же получше, чтобы они потолстѣли, и положи спать.

Жена людоѣда обрадовалась и подала дѣтямъ чудесный ужинъ, но они ничего не могли ѣсть отъ страха. Мужъ же ея сталъ пить вино и выпилъ его съ радости такъ много, что у него закружилась голова. Тогда онъ пошелъ вздремнуть.

Было у людоѣда семь маленькихъ дочерей съ сѣрыми круглыми глазами, крючковатыми носами и длинными острыми рѣдкими зубами. Онѣ пока еще не были такъ злы, какъ ихъ отецъ, хотя уже и кусали маленькихъ дѣтей. Ѣли онѣ всегда сырое мясо, какъ и отецъ. Людоѣдочки рано улеглись спать всѣ вмѣстѣ на большой кровати. На головахъ у нихъ были надѣты золотыя коронки. Тутъ же на другой большой кровати жена людоѣда уложила мальчиковъ и ушла сама спать.

Мальчикъ-съ-пальчикъ сразу подумалъ, что людоѣду можетъ взбрести въ голову зарѣзать ночью его съ братьями. Когда братья заснули, онъ тихонько всталъ, подкрался къ маленькимъ людоѣдочкамъ, снялъ съ нихъ золотыя коронки, а съ братьевъ и съ себя шапочки. Шапочки онъ незамѣтно подмѣнилъ дѣвочкамъ вмѣсто коронокъ, а братьямъ надѣлъ людоѣдочкины золотыя коронки.

Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ, какъ думалъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Ровно въ полночь людоѣдъ проснулся и пожалѣлъ, что не зарѣзалъ дѣтей. Потомъ онъ поднялся съ постели, взялъ ножъ и сталъ ощупью пробираться въ темнотѣ.

— Погляжу-ка я, говорилъ себѣ людоѣдъ, какъ поживаютъ мои малыши, да и прикончу всѣхъ сразу.

И онъ добрался до комнаты людоѣдочекъ и подошелъ къ постели мальчиковъ. Всѣ они спали, кромѣ однаго Мальчика-съ-пальчикъ. Людоѣдъ ощупалъ его голову, и подъ руку ему попались зубчики золотой коронки.

— Вотъ такъ славно! — сказалъ онъ, — была бы штука, нечего сказать! Вѣрно, я вчера черезчуръ ужъ много выпилъ.

И онъ пошелъ къ постели людоѣдочекъ.

— Ага! вотъ они, мальчуганы! Ну, разъ, два, три! — сказалъ онъ, когда нащупалъ шапочки, поднялъ ножъ и зарѣзалъ дѣвочекъ.

Потомъ онъ, довольный-предовольный, вернулся на свою постель и заснулъ, какъ убитый.

А Мальчикъ-съ-пальчикъ, какъ только людоѣдъ захрапѣлъ, тихонько разбудилъ братьевъ, приказалъ имъ одѣваться и бѣжать. Дѣти пробрались въ садъ, перелѣзли черезъ заборъ и пустились что есть духу, куда глаза глядятъ. Они бѣжали всю ночь и дрожали отъ страха,

На зарѣ людоѣдъ проснулся и сказалъ женѣ:

— Ну-ка, поди, прибери своихъ мальчишекъ!

Бѣдная женщина подумала, что людоѣдъ приказалъ ей одѣть мальчиковъ и пошла къ нимъ въ комнату. Но тамъ она увидѣла, что маленькія людоѣдочки плаваютъ въ крови, и упала замертво. Людоѣдъ пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ жена, и помочь ей. Тутъ только онъ понялъ, что натворилъ.

— Вотъ то сдѣлалъ я бѣду! — бормоталъ онъ, — ну, да ужъ и не сдобровать этимъ маленькимъ негодяямъ! Я имъ сейчасъ же отплачу!

Онъ облилъ жену водою, и когда она очнулась, заревѣлъ:

— Сейчасъ же давай сюда мои сапоги-скороходы, я догоню мальчишекъ!

И въ своихъ сапогахъ-скороходахъ людоѣдъ пустился что есть духу за бѣдными дѣтьми. Бѣжалъ онъ то въ одну сторону, то въ другую и, наконецъ, напалъ на вѣрный слѣдъ мальчиковъ. Въ это время они были около самаго своего дома. Вдругъ вдалекѣ показался людоѣдъ. Онъ шагалъ съ горы на гору и переступалъ широкія рѣки однимъ прыжкомъ, какъ будто это были маленькіе ручейки.

Мальчикъ-съ-пальчикъ увидѣлъ пещеру въ скалѣ, поскорѣе спрятался въ нее вмѣстѣ съ братьями и смотрѣлъ оттуда на людоѣда. Но сапоги-скороходы не избавляютъ отъ усталости. Людоѣдъ добрался до скалы, гдѣ была пещера, и захотѣлъ отдохнуть. Онъ совсѣмъ выбился изъ силъ и громко захрапѣлъ. Этотъ храпъ испугалъ бѣдняжекъ не мѐньше, чѣмъ ножъ въ рукахъ людоѣда, когда онъ собирался ихъ зарѣзать.

Одинъ только Мальчикъ-съ-пальчикъ набрался храбрости и приказалъ братьямъ бѣжать изо всѣхъ силъ домой. Дѣти пустились въ дорогу и мигомъ добѣжали до своей избушки. Мальчикъ-съ-пальчикъ подкрался къ спящему людоѣду, осторожно снялъ съ него сапоги-скороходы и натянулъ ихъ на свои крохотныя ножки. А сапоги-то были волшебные: кто ихъ надѣвалъ, тому они и приходились точь въ точь впо̀ру, какъ будто были сдѣланы по мѣркѣ. Пришлись они впо̀ру и Мальчику-съ-пальчикъ.

Тогда онъ зашагалъ въ нихъ прямо къ королевскому замку. А король той страны воевалъ съ другимъ королемъ, и солдаты его какъ разъ въ это время дрались далеко отъ столицы. Король очень безпокоился о томъ, какъ идетъ битва. Мальчикъ-съ-пальчикъ сейчасъ же заявилъ королю, что онъ можетъ сбѣгать за тысячу верстъ, на поле битвы, и въ тотъ же день къ вечеру принесетъ ему извѣстіе. Король обрадовался и,

конечно, пообѣщалъ Мальчику-съ-пальчикъ много денегъ. Къ вечеру маленькій скороходъ вернулся обратно, какъ и сказалъ. Тогда король щедро наградилъ его и оставилъ навсегда у себя на службѣ. Съ тѣхъ поръ семья дровосѣка зажила припѣваючи.

Гусятница.

Жила-была старая королева. Давно ужъ умеръ ея мужъ и оставилъ ей красавицу дочь. Когда дѣвочка выросла, ее помолвили съ королевичемъ далекой чужеземной страны. Наступило и время свадьбы. Королева снарядила любимую дочь въ дальнюю дорогу. Она дала ей въ приданое много золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней; кромѣ того мать приставила къ королевнѣ служанку, которая должна была ѣхать съ ней къ жениху. Обѣ дѣвушки получили по лошади, но у королевны лошадь была особенная: умѣла она говорить. Передъ самымъ прощаньемъ старая королева отправилась въ свою спальню, взяла тамъ маленькій ножикъ и обрѣзала имъ свой палецъ. Когда пошла кровь, она подобрала три капли на тряпочку и дала ее дочери.

— Сбереги это хорошенько,—сказала мать,—можетъ, и понадобится.

Печально простилась королевна съ матерью, приколола тряпочку къ своей груди, сѣла на лошадь и поѣхала. Ѣхала она цѣлый часъ и захотѣлось ей пить. Вотъ и крикнула она своей служанкѣ:

— Слѣзь съ лошади, возьми мой золотой кубокъ и принеси мнѣ изъ ручья воды. Я очень хочу пить.

— А если хочешь пить, — отвѣчала служанка, — то и изволь слѣзать сама. Можешь наклониться къ ручью и напиться. Стану я еще тебѣ служить!

Тогда слѣзла королевна съ лошади, припала къ ручью, напилась и только сказала:

— Ахъ, Боже мой!

А три кровяныя капельки, что были у нея на груди, проговорили:

— Еслибы твоя мать знала это, сердце ея разорвалось бы на части.

Покорно перенесла королевна свое горе и сѣла опять на лошадь. Такъ проѣхали онѣ не мало. День былъ жаркій, солнце пекло, и опять захотѣлось царской дочери напиться. Какъ разъ въ это время увидѣли онѣ рѣку. Королевна забыла уже прежнюю обиду и крикнула опять служанкѣ:

— Слѣзь съ лошади и принеси мнѣ въ моемъ золотомъ кубкѣ воды.

А служанка грубо отвѣтила:

— Хочешь пить, такъ и пей, стану я для тебя тревожиться!

Слѣзла опять королевна со своей лошади и припала къ рѣкѣ. Горько заплакала она и сказала:

— Ахъ, Боже мой!

А три кровяныя капельки, что были у нея на груди, отвѣчали:

— Еслибы твоя мать знала это, сердце ея разорвалось бы на части.

Когда она поднялась съ земли, тряпочка съ кровяными капельками упала съ ея груди и понеслась внизъ по рѣкѣ. Въ своемъ горѣ королевна и не замѣтила этого. А служанка все видѣла и радовалась: потерявъ свою тряпочку, королевна дѣлалась безсильной. Какъ только хотѣла она сѣсть на свою лошадь, служанка закричала:

— Садись на мою, на твоей поѣду я.

Потомъ сняла она съ королевны ея царскую одежду и помѣнялась съ нею своею, наконецъ, велѣла поклясться несчастной королевнѣ, что она никому не скажетъ о случившемся.

— А не дашь этой клятвы,—крикнула служанка,—то я тебя убью на мѣстѣ!

И вотъ сѣла служанка на коня королевны, и такъ пріѣхали онѣ въ королевскій замокъ.

Тамъ сильно имъ обрадовались, королевичъ вышелъ на встрѣчу, снялъ съ лошади служанку и принялъ ее за свою невѣсту. И пошла служанка вверхъ по лѣстницѣ, а настоящая невѣста осталась внизу. Увидѣлъ ее изъ своего окна старый король, замѣтилъ ея красоту и спросилъ у невѣсты:

— Кто эта дѣвушка, и зачѣмъ она стоитъ на дворѣ?

— Я привезла ее съ собою. Дайте ей какую-нибудь работу, чтобы она не была безъ дѣла.

Но у стараго короля не оказалось никакой работы,—и онъ сказалъ:

— Вотъ у меня пасетъ гусей маленькій мальчикъ, такъ пускай она ему помогаетъ.

Такъ и стала королевна пасти гусей.

Скоро ложная невѣста сказала своему жениху:

— Милый другъ, сдѣлай мнѣ удовольствіе.

— Охотно,— отвѣчалъ королевичъ.

— Позови мясника и вели ему отрубить голову той лошади, на которой я пріѣхала. Всю дорогу выводила она меня изъ терпѣнія.

А на самомъ дѣлѣ служанка боялась, что вѣрная лошадь выдастъ ее и разскажетъ, какъ она поступила съ царской дочерью. Такъ и было рѣшено. Скоро дошло до слуха настоящей королевны, что долженъ погибнуть ея вѣрный конь. Тогда она посулила потихоньку мяснику червонецъ, лишь бы онъ исполнилъ ея просьбу. Въ городѣ были огромныя темныя ворота; черезъ нихъ королевна утромъ и вечеромъ прогоняла своихъ гусей:

— Такъ вотъ къ этимъ-то воротамъ ты и привѣсь голову убитаго коня, просила королевна.

Мясникъ такъ и сдѣлалъ.

Рано утромъ гусятница гнала черезъ ворота своихъ гусей и сказала:

Ахъ, мой вѣрный конь виситъ!

Тогда отвѣчала голова:

Еслибъ твоя мать про то знала да вѣдала,
Какъ ты, королевна, здѣсь гусей пасешь,
Разорвалось бы ея сердечушко отъ злой тоски...

Погнала королевна гусей дальше. Когда она пришла на зеленую лужайку, то распустила свои волосы. А были они изъ чистаго золота. Мальчикъ залюбовался, какъ они блестятъ, и захотѣлось ему украсть хоть пару волосковъ. Тогда королевна проговорила:

Дуй-подуй, мой вѣтерокъ,
Сдуй съ мальчишки колпачокъ
И заставь за нимъ бѣжать.
Дай мнѣ косу расчесать!

Поднялся сильный вихрь, сорвалъ съ пастушонка колпачокъ, и мальчикъ пустился за нимъ въ догонку. Когда онъ вернулся, королевна уже причесала свои волосы. Пастушокъ разсердился и не хотѣлъ говорить съ своею помощницей. Молча пасли они гусей до поздняго вечера и потомъ вернулись домой.

На другой день опять гнала королевна черезъ ворота своихъ гусей и сказала:

Ахъ, мой вѣрный конь виситъ!

А голова ей въ отвѣтъ:

Еслибъ твоя мать про то знала да вѣдала,
Какъ ты, королевна, здѣсь гусей пасешь,
Разорвалось бы ея сердечушко отъ злой тоски...

Опять пришла гусятница на зеленую лужайку, стала причесывать свои волосы, а пастушокъ хотѣлъ украсть у нея хоть волосокъ. Тогда она проговорила:

Дуй-подуй, мой вѣтерокъ,
Сдуй съ мальчишки колпачокъ
И заставь его бѣжать.
Дай мнѣ косу расчесать!

Поднялся вихрь и сорвалъ колпачокъ съ головы мальчика, а онъ пустился за нимъ въ догонку. Когда пастушокъ вернулся, волосы дѣвушки уже были причесаны.

Вечеромъ пригнали гусей домой. Пастушокъ пошелъ къ старому королю и сказалъ:

— Не хочу съ этой дѣвчонкой пасти гусей.

— Почему?

— А, да злитъ она меня цѣлый день!

Король велѣлъ ему разсказать въ чемъ дѣло.

— Да вотъ,—отвѣчалъ пастушокъ:—на воротахъ виситъ лошадиная голова и, когда мы прогоняемъ тамъ гусей, дѣвушка говоритъ:

Ахъ, мой вѣрный конь виситъ!

А голова отвѣчаетъ:

Еслибъ твоя мать про то знала да вѣдала,
Какъ ты, королевна, здѣсь гусей пасешь,
Разорвалось бы ея сердечушко отъ злой тоски...

Дальше мальчикъ разсказалъ, что́ было на лужайкѣ и какъ вѣтеръ срывалъ у него колпачокъ.

Король приказалъ мальчику гнать гусей на слѣдующій день, какъ всегда, а самъ спрятался за воротами и подслушалъ, что дѣвушка говоритъ съ лошадиною головою. Потомъ онъ пошелъ на лужайку и сѣлъ за кустомъ. Тутъ онъ увидѣлъ собственными глазами, какъ мальчикъ съ дѣвушкой пригнали гусей, какъ она распустила свои волосы, и какъ заблестѣли они на солнцѣ. И услышалъ онъ, слова королевны:

Дуй-подуй, мой вѣтерокъ,
Сдуй съ мальчишки колпачокъ,
И заставь его бѣжать.
Дай мнѣ косу расчесать!

Поднялся вихрь и сорвалъ съ мальчика колпачокъ. Пастушокъ побѣжалъ за нимъ, а дѣвушка въ это время причесывала свои волосы. Старый король все это видѣлъ. Незамѣтно пришелъ онъ домой, и когда вечеромъ гусятница вернулась въ замокъ, онъ отвелъ ее въ сторону и спросилъ, зачѣмъ она такъ дѣлаетъ.

— Этого нельзя сказать, — отвѣчала гусятница. — Ни одному человѣку не могу я повѣдать своего горя. Я дала клятву хранить все въ тайнѣ, иначе я давно бы уже лишилась жизни.

Но старый король не отставалъ отъ нея; однако, ничего ему не удалось добиться. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Если ужъ ты не хочешь довѣриться мнѣ, то повѣдай свое горе желѣзной печкѣ.

И онъ ушелъ. Гусятница влѣзла въ желѣзную печку, стала плакать, жаловаться на свою судьбу и приговаривать:

— Всѣ меня покинули, а я царская дочь, моя служанка обошла меня, отняла мое прекрасное платье, вмѣсто меня явилась къ моему жениху, а меня сдѣлала гусятницей. О, еслибы моя мать знала это, ея сердце разорвалось бы на части!

А старый король стоялъ около печной трубы и слушалъ, что́ она говорила. Когда она замолчала, онъ вышелъ изъ-за своей засады, велѣлъ ей надѣть царскія одежды, и дѣвушка сдѣлалась чудо какой красавицей. Потомъ онъ позвалъ своего сына и разсказалъ ему о продѣлкахъ его ложной невѣсты.

— Это простая служанка,—говорилъ король:—а вотъ твоя настоящая невѣста. Она была у насъ гусятницей.

Королевичъ обрадовался, когда увидѣлъ красивую добрую королевну. Былъ устроенъ пиръ. На него пригласили много чужеземныхъ гостей и созвали весь народъ. Въ серединѣ сидѣлъ женихъ, съ одной стороны его — царская дочь, а съ другой — ея служанка. Злая служанка была ослѣплена своей удачей и не узнала королевну въ ея чудномъ нарядѣ. Гости ѣли, пили и веселились. Наконецъ, старый король задалъ служанкѣ загадку:

— Что́ сдѣлала бы ты съ такимъ человѣкомъ, который обманулъ своего господина? и король разсказалъ все, что случилось, а потомъ прибавилъ: — какое бы ты придумала ему наказаніе?

— Его нужно раздѣть до гола,—отвѣчала та: — и посадить въ бочку, утыканную извнутри острыми гвоздями, потомъ запречь двухъ бѣлыхъ лошадей и пусть они тащатъ его изъ улицы въ улицу, пока злодѣй не умретъ.

— Этотъ злодѣй — ты! — закричалъ старый король: — ты сама придумала себѣ наказаніе и должна умереть.

И казнь была совершена. Послѣ этого королевичъ обвѣнчался со своей невѣстой, и они много лѣтъ правили своей страной въ мирѣ и счастьѣ.

Содержаніе.

	стран.
Красная Шапочка	1
Спящая Красавица	6
Бѣлоснѣжка	11
Пряничный домикъ	23
Замарашка	34
Мальчикъ-съ-пальчикъ	45
Гусятница	55